

ISSN 0202—151 X

**О‘ЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОИЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

2-2001

ЎЗБЕКИСТОН RESPUBLIKASI FANLAR АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОИЙ
FANLAR

2001

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. Выходит по 6 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акад. АН Узбекистана А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ (*главный редактор*), акад. АН Узбекистана Б. А. АХМЕДОВ, акад. АН Узбекистана Ю. Ф. БУРЯКОВ, акад. АН Узбекистана С. С. ГУЛЯМОВ, акад. АН Узбекистана А. Д. ДАУЛЕТОВ, акад. АН Узбекистана Н. И. ИБРАГИМОВ, акад. АН Узбекистана И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН Узбекистана Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, акад. АН Узбекистана Э. В. РТВЕ-ЛАДЗЕ, акад. АН Узбекистана М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, акад. АН Узбекистана А. Х. ХИКМАТОВ, доктор экономических наук М. А. АБДУСАЛЯМОВ, доктор философских наук А. М. ДЖАЛАЛОВ, доктор политических наук Р. З. ДЖУМАЕВ, доктор филологических наук Н. КОМИЛОВ, доктор юридических наук А. Х. САИДОВ, доктор исторических наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор исторических наук Т. К. ХОДЖАЙОВ, доктор исторических наук Т. Ш. ШИРИНОВ, Б. И. КНОПОВ (*ответственный секретарь*).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. академика Я. Гулямова, 70.
Телефоны: 136-73-29, 4-83.

© Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 2001 г.

Редакторы: Б. Кнопов, Ю. Парничева
Технический редактор Л. Тюрина

Регистр. № 00114. Сдано в набор 23.05.2001. Подписано к печати 12.06.2001. Формат 70×108^{1/16}.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Бумага газетная. Усл. печ. л. 5,95. Уч.-изд. л. 6,8.
Тираж 234. Заказ 28.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047. Ташкент, ул. акад. Я. Гулямова, 70.

Типография Издательства «Фан» АН РУз: 700170. Ташкент, ул. акад. Х. Абдуллаева, 79.

К десятилетию независимости Республики Узбекистан

Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ НЕЗАВИСИМОСТИ УЗБЕКИСТАНА

За десять лет, прошедших со дня обретения независимости Узбекистана, в жизни нашей страны произошли значительные изменения. Существенно повысилась общественно-политическая активность населения, полным ходом осуществляются процессы демократизации нашего общества, сформирована многоукладная социально ориентированная экономика, созданы экономические и правовые условия для свободы предпринимательства, осуществлены либерализация экономики и формирование рыночной инфраструктуры, проведена либерализация внешнеэкономической деятельности, обеспечены надежные социальные гарантии широких слоев населения, началось духовно-нравственное возрождение общества.

Все это говорит о том, что наш народ твердо сделал выбор пути своего исторического развития — пути независимости, демократизации и либерализации основ общества. В этом плане очень многое зависит от сплоченности и солидарности всего народа страны, его решимости продолжать масштабные реформы во имя прогресса и светлого будущего своих детей, своей страны. В этих условиях, как отметил Президент страны И. А. Каримов на собрании 6 апреля 2000 г. в резиденции Оксарой, «для всех нас должно быть очевидным, что ...в этот переходный период... нужна глубоко продуманная и четко разработанная идеология, являющаяся чрезвычайно важным фактором в определении будущего нашей страны»¹. Идеология дает нам те ориентиры, которые будут служить указательными вехами на пути поступательного развития нашего общества. Это убедительно подтверждает опыт мировой цивилизации.

Основные элементы национальной идеологии уже разработаны, обрели жизненные формы, получили одобрение широких слоев нашего общества. Это демократический путь развития государства, светская форма правления, формирование рыночной экономики, придание узбекскому языку статуса государственного и т. д. Вместе с тем, как отметил И. А. Каримов, особое внимание должно быть уделено молодежи. Принципиально важно то, на основе каких идей, какой идеологии следует воспитывать подрастающие поколения, какое мышление должно утвердиться в их умах. Молодежь — это будущее страны. Уже отсюда очевидна актуальность реализации концепции национальной идеологии в жизни нашего общества².

Уникальность нашей концепции национальной идеологии заключается в том, что она, как отметил И. А. Каримов, должна опираться на вековые традиции, обычаи народа, его язык, религию, духов-

¹ Каримов И. А. Национальная идеология — основа будущего: Выступление на собрании, посвященном вопросам формирования национальной идеологии, 6 апреля 2000 г. в резиденции Оксарой//Народное слово. 2000. 7 апр.

² См. там же.

ность — на национальные ценности, мировоззрение и мышление наших людей. Вместе с тем она должна, впитывая и охватывая современные общечеловеческие ценности и достижения, служить упрочению мира и согласия в стране, расцвету Родины, интересам и благоденствию народа.

Узбекистан в настоящее время представляет собой государство нового политического устройства, с нарождающимися новыми социальными отношениями. Происходят процессы изменения отношения государства к своим гражданам, а это, в свою очередь, требует изменения отношения каждого гражданина к государству, своей стране. В связи с этим наметилась определенная тенденция: большинство населения страны ощущает потребность видеть Узбекистан не только местом своего проживания, но и ощущать себя жителем богатой, свободной и одновременно великой, пользующейся уважением в мире страны, что, по сути, есть проявление подлинно народного патриотизма.

Содействие формированию активной патриотической жизненной позиции гражданина Республики Узбекистан является ведущим приоритетом в деятельности Центра «Ижтимоий фикр», который изучает общественное мнение с целью более эффективного прогнозирования и использования полученных результатов в интересах оптимизации управления социальными процессами, разрабатывает основные направления формирования мировоззрения людей, состояния и содержания их общественно-политического, экономического, морального и правового сознания, организует фундаментальные и практические исследования в области методологических основ изучения общественно-общественного мнения.

Исходя из требований, которые предъявляет концепция национальной идеологии, Центр проводит исследования по изучению общественного мнения по таким основополагающим аспектам, как: национальное самосознание, общечеловеческие и национальные ценности, изучение гражданской жизненной позиции личности, специфики социально-демографических и этнических групп населения, а также региональных особенностей. С учетом предстоящей смены поколений, находящихся в активном трудовом возрасте, проводится фронтальное изучение жизненных ориентаций молодых людей.

Коренная идея концепции национальной идеологии базируется, прежде всего, на утверждении обстановки мира и стабильности, международного и гражданского согласия в нашем общем доме — независимом Узбекистане, что является самым большим нашим достоянием³. Понимание этих ценностей и их непреходящего значения с каждым днем возрастает в сознании многонационального народа Узбекистана.

Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами недавно опроса, в ходе которого мир, спокойствие и правопорядок были названы гражданами страны как один из самых актуальных ценностных приоритетов. Судя по высказываниям большинства респондентов, с этой задачей руководство республики справляется вполне успешно, и именно это сегодня более всего ценится большинством граждан. Причем абсолютное большинство опрошенных (97,5%) видят в этом особую заслугу Президента страны И. А. Каримова.

Ныне явно происходит формирование развитого национального самосознания всего населения Узбекистана как социальной целостности. Этот процесс характеризуется соединением в единое целое по-

³ См.: Каримов И. А. Узбекистан, устремленный в XXI век: Доклад на XIV сессии Олий Мажлиса. Ташкент, 1999.

зий всех этнических групп, населяющих Узбекистан. Как отметил в своем выступлении И. А. Каримов, «важный аспект национальной идеологии заключается в том, что она должна способствовать самосознанию нашей нации, народа, должна служить для того, чтобы донести до нового подрастающего поколения национальные ценности, традиции, обычаи, чтобы, не растратив, возродить и беречь их»⁴.

Проведенные нами исследования подтверждают, что население республики полностью солидарно с этим мнением. Если говорить об устойчивом чувстве общности, то, как показывают результаты опроса на ключевой вопрос: «В чем выражается Ваше ощущение принадлежности к своей нации?», — каждый второй респондент (56,3%) ответил — «любовью к Земле, где родился и где жили мои предки», 41,4% — «чувством принадлежности к своему народу и духовного единства с ним».

Вместе с тем исследования показывают, что на пути дальнейшего становления национального самосознания, решения поставленной государством важнейшей задачи по развитию языков, культуры, обычаев и традиций всех проживающих в Узбекистане наций и народностей, расширению созданных в этой сфере возможностей и условий имеется ряд проблем. Так, следует окончательно избавиться от изживших себя элементов былой социальной структуры, как, скажем, местничество, клановость и т. п.

Все более важное значение в развитии национального самосознания народов Узбекистана приобретает язык. В этом плане определяющее место занимает язык титульной нации, на котором, согласно результатам опроса, общаются от 65,4 до 71,3% респондентов. В этой связи представляют интерес результаты опроса общественного мнения, касающиеся поддержки мероприятий, направленных на дальнейшее развитие государственного (узбекского) языка. Так, большинство респондентов (80,5%) в целом поддерживают мероприятия по развитию государственного языка. При этом ими высказывается некоторая конкретизация своих позиций: 58,1% опрошенных считают, что нужно принимать дополнительные меры как по улучшению условий и возможностей изучения узбекского языка для тех, кто им еще не владеет, так и для дальнейшего распространения литературного узбекского языка среди узбеков и представителей других этносов, проживающих в стране.

Эталоном для формирования чувства национального самосознания должны быть ощущение и понимание каждым гражданином страны себя как частицы всего народа, гордость за свой народ, его историю и культуру. Вера в великое будущее Узбекистана лежит в основе национальной идеологии независимости.

Важнейшим аспектом концепции национальной идеологии является консолидация общества независимо от национальной и религиозной принадлежности. Таким аспектом, согласно общественному мнению, признана гражданственность. Большинство опрошенных (65%) ощущают себя прежде всего гражданами страны — узбекистанцами. Это говорит о том, что происходит процесс складывания интегративной национальной общности — «узбекистанцы», в которую входят представители всех этнических групп, проживающих в стране.

Концепция национальной идеологии, как отметил Президент И. А. Каримов, содержит в себе и положения, направленные на воспитание в каждом нашем соотечественнике чувства любви к Родине, уважения к таким священным атрибутам государственности, как гимн, герб, флаг, что является одним из наглядных проявлений патриотиз-

⁴ Там же.

ма. Так, при ответе на вопрос: «Что Вы испытываете, когда видите флаг и слушаете Государственный гимн Узбекистана?»— абсолютное большинство опрошенных ответили, что они чувствуют гордость за свою страну и свой народ. Чувство глубокого патриотизма подтверждается и тем, что почти 90% респондентов заявили, что не желали бы жить в любой другой стране мира.

Одной из главных целей национальной идеи, национальной идеологии является формирование личности, впитавшей в себя лучшие национальные традиции, которые наряду с общечеловеческими ценностями стали бы фундаментом характера гражданина страны. Национальная идея должна опираться на два основных требования: вековые традиции, обычаи народа, его язык, религию, духовность — национальные ценности, мировоззрение и мышление народа, и на современные общечеловеческие ценности и достижения.

Результаты опроса общественного мнения убедительно показали также, что семья, ее благосостояние, забота о детях, их воспитание для граждан Узбекистана являются доминирующими в иерархии общечеловеческих ценностей, определяют жизненные позиции людей, связывают их личную жизнь с социальными идеалами. Указания на семью как смысл жизни (59,2%) и совокупность близких и родных людей (21,1%) остаются главными при формулировании самими респондентами понятия семьи. Кроме того, абсолютное большинство опрошенных (92%) заявили, что они не могут представить свою жизнь вне семьи.

Следовательно, семья может быть определена как одна из высших национальных и общечеловеческих ценностей узбекского народа. Семья — органическая часть общества, его первичная ячейка, одна из его основных составляющих. Именно поэтому в концепции национальной идеологии нашего общества существенное место занимают положения о семье — физическое и духовное состояние семьи, ее материальное благополучие.

Хорошо проработанная национальная идеология имеет глубокие исторические корни, впитывает в себя все лучшее и жизнеспособное, что выработал народ за многие века своей истории: традиции, обычаи, уникальное духовное и культурное наследие.

В нашем обществе сложилось особое отношение к труду, которое можно охарактеризовать как глубоко философское, эволюционное. Согласно результатам исследования, большинство опрошенных так характеризуют свое отношение к труду: «труд — это главный признак жизни, пока человек трудится — он жив, он человек» и надо «быть полезным людям, приносить им пользу, радость, облегчать их жизнь». Это говорит о том, что в системе нравственных характеристик узбекистанцев труд занимает приоритетное место.

После обретения независимости в Узбекистане возрождаются и обретают большое значение органы местного самоуправления — махалли, выступающие носителями и хранителями традиций и обычаев народа. В концепции национальной идеологии учтено все лучшее, что накопила махалля как специфический традиционный социокультурный организм, весь имеющийся на ее счету положительный опыт управления. Как показали результаты опроса, в жизни большинства граждан нашей страны махалля играет большую роль. На это указали 64,7% респондентов. При этом подавляющее большинство опрошенных (89,3%) в основном следуют принятым в махаллях обычаям.

Утверждение концепции национальной идеологии происходит у нас в очень сложный период, который не имеет аналогов в истории. Глубокие процессы обновления, изменения происходят не только в политической, экономической, социальной жизни, но и в нашем соз-

нании и мышлении. При этом важно отметить, что общество обладает огромным запасом исторического и социального оптимизма, что является важным критерием его нравственного здоровья. Об этом свидетельствует, в частности, анализ опросных анкет, где подавляющее большинство граждан страны (95,2%) указали, что они имеют цель в жизни и верят в безусловное ее достижение. Таким образом, исследование показало, что социальный оптимизм и опора на собственные силы являются подавляющей доминантой у наших людей.

Очень важно учитывать насущные проблемы молодежи. Она выполняет исключительно важную функцию: служит субъектом — преемником тех материальных и духовных ценностей, которые выработаны обществом на предшествующих этапах развития. Именно через молодежь осуществляются преемственность поколений, историческое развитие каждого конкретного общества. От того, какие идеалы, нормы нравственности, экономические уклады, принципы политики и демократии воспримет молодежь, а какие отбросит, зависят направленность и темпы исторического развития общества, его непрерывность.

Как указывает Президент И. А. Каримов, «для того, чтобы не потерять свой стержень в вопросах воспитания и нравственности, в духовной жизни, в последовательном проведении политики, соответствующей нашим национальным интересам, нам нельзя допустить никакого идейного вакуума», особенно в молодежной среде⁵.

В этих условиях жизненно важное значение имеет научно обоснованная национальная идеология. При этом следует особо учесть, что молодежь является той частью общества, которая наиболее гибко реагирует на все общественно-политические, социально-экономические, правовые, духовно-нравственные изменения в стране, она является наиболее мобильной частью общества, свободной от застарелых взглядов и стереотипов тоталитарного прошлого.

Для молодежи Узбекистана характерно высокое чувство патриотизма и гражданственности. Об этом свидетельствуют данные опросов, в ходе которых преобладающая часть респондентов (89%) заявляла, что считает себя патриотами своей Родины.

На вопрос: «Что, по Вашему мнению, означает преданность Родине?» — основная масса молодежи отмечала, что преданность Родине выражается, прежде всего, в самоотверженном служении ей и в готовности защищать ее. На это указали 66,2% опрошенных. Более чем каждый третий респондент отметил, что для того, чтобы быть преданным Родине, необходимо «ценить национальные традиции и обычаи» (34,8%); «приумножать мировую славу народа» (32,2%); «государственные интересы ставить выше собственных» (28%).

Для значительного числа молодых людей национальное самосознание ассоциируется, прежде всего, с национальной независимостью Узбекистана (57,7%); народными обычаями, традициями (45,6%), историей своего народа (37,6%); духовной самобытностью нации (37,2%).

Как известно, образование — неразрывная часть любого общества, основной показатель его культуры и развития. Наша страна, думая о будущем, прежде всего, усиливает внимание к проблемам образования. Политика нашего государства пронизана заботой о подрастающем поколении, и реформирование образования стало ее приоритетным направлением.

Большинство молодых людей полагает, что от них самих многое зависит в процессе занятия ими достойного места в общества, что

⁵ Народное слово. 2001. 26 янв.

говорит о высокой социальной активности молодежи. Об этом свидетельствуют результаты опросов, из которых явствует, что основная масса молодых людей ориентирована на успешное окончание учебы (74,1% опрошенных) и приобретение специальности (68,8%).

На вопрос: «Что должно сделать государство, чтобы молодежь заняла достойное место в нашем обществе?» — большинство молодых людей отвечает, что основная роль государства должна заключаться в повышении качества образования (71,2%) и обеспечении молодых работой согласно уровню их квалификации и специальности (46,7%).

На вопрос: «Что зависит от Вас лично, чтобы Вы заняли достойное место в нашем обществе?» — большинство опрошенных молодых людей (77,2%) ответили, что они должны получить хорошее образование и специальность; 64,8% указали, что должны много учиться и много работать над собой; 57% респондентов считают, что должны овладеть иностранными языками. Все это показывает, что молодежь Узбекистана достаточно четко представляет себе перспективы развития республики и свою роль в этом процессе.

Проведенные исследования позволили выявить и социальное настроение молодых граждан Узбекистана. Абсолютное большинство (92%) респондентов заявили, что являются социальными оптимистами и верят в великое будущее своего государства.

Десятилетие независимости позволило создать демократический фундамент нашего государства, коренным образом повлияло на формирование в обществе свободно мыслящей личности. В большей степени это, естественно, коснулось молодежи. Так, подавляющее большинство ее в Узбекистане (82%) заявляет, что теперь оно может открыто высказать свое мнение, что прежде было совершенно невозможно.

Результаты опросов выявили достаточно высокую потенциальную политическую активность молодежи Узбекистана. Одна из важнейших форм ее проявления — участие в выборах Президента страны, депутатов Олий Мажлиса, местных органов власти. Данные опросов показали, что многие молодые респонденты проявили высокий уровень электоральной активности. Характерно и то, что значительное количество (39,5%) потенциально политически активных молодых людей желает стать членом какой-либо партии или общественной организации. Активность нашей молодежи проявляется и в формировании нового молодежного движения «Камолот».

Итак, Узбекистан входит в XXI век, имея и реализуя на деле свою собственную стратегию развития, которую, конечно, предстоит еще обогатить конкретными программами, наполнить реальным содержанием практических действий. И в этом деле особую роль играет реализация концепции национальной идеологии, которая вбирает в себя всю человеческую мудрость, весь многовековой опыт, все наиболее прогрессивные достижения как нашего народа, так и наиболее развитых стран.

В этой связи надо подчеркнуть, что проводимые в республике социологические исследования и опросы общественного мнения выполняют функции системообразующих источников социальной стратегии в интересах повышения эффективности управления развитием общества. Результаты исследований отчетливо высвечивают тенденции формирования культуры интегративного подхода к социальному развитию в современном узбекистанском обществе как к целостности, способствуют разработке рекомендаций, направленных на научно обоснованную и конструктивную реализацию концепции национальной идеологии.

Исходя из этого, Центр изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» и впредь будет проводить комплексные исследования во всех основных сферах жизни общества, затрагивающих такие основополагающие характеристики его поступательной эволюции, как формирование, развитие и прогресс.

Э. К. ФАЙЗИЕВ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРИВАТИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Последовательное проведение курса дальнейшей либерализации и углубления экономических реформ во всех отраслях и секторах экономики республики сопровождается развитием процессов институциональных преобразований и совершенствования систем управления. Как отмечает Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, «в этом вопросе у нас еще немало нерешенных проблем, особенно в части либерализации системы управления, овладения руководителями всех уровней современными методами менеджмента»¹.

Мировой опыт свидетельствует, что при наличии соответствующих правил или условий по корпоративному управлению можно гарантировать функционирование акционерных обществ открытого типа на началах их ответственности в своих действиях и соблюдения интересов всех акционеров.

Проблема заключается в том, что еще до конца не выяснено, какова стратегия предприятия в переходной экономике, чем определяется его реакция на экономические регуляторы, действующие со стороны государства и рынка. Спорным остается и вопрос о применимости к переходным условиям ряда фундаментальных положений традиционной макроэкономической теории и менеджмента.

Известно, что основной целью частной фирмы, функционирующей в условиях конкуренции, является максимизация прибыли. Это подтверждается опытом стран, давно придерживающихся рыночной ориентации. Следовательно, использование аналогичной гипотезы при оценке экономического состояния приватизированных предприятий Узбекистана вполне обоснованно.

Практика показывает, однако, что по разнообразным причинам далеко не каждое приватизированное предприятие стремится к максимизации прибыли. Более того, при одних и тех же экономических условиях сходные по многим формальным признакам предприятия действуют по-разному. Одни наращивают объемы производства, быстро осваивают выпуск новой продукции, выходят на новые рынки. Другие, наоборот, сокращают и даже приостанавливают производство, накапливают кредиторские и дебиторские задолженности.

Конечно, это возможно и в устойчиво развивающейся рыночной экономике. Важны масштабы и временные рамки наблюдаемых отклонений. Аномальное, с точки зрения законов рынка, экономическое поведение типично для многих предприятий. Это связано с их удаленностью от емких и платежеспособных рынков, труднодоступностью финансовых ресурсов, отсутствием достаточного опыта управления в новых хозяйственных условиях.

¹ Каримов И. А. Доклад на заседании Межведомственного координационного совета по реформированию и инвестициям // Правда Востока, 2000. 2 февр.

Формирование экономической стратегии функционирования предприятий в переходный период — проблема крайне сложная и малоизученная. Она требует осмысления в политическом, экономическом, социальном, правовом и других аспектах.

В целях оказания адресной постприватизационной поддержки акционерным обществам, созданным на базе государственной собственности, Госкомимуществом Республики Узбекистан совместно с министерствами, ведомствами и ассоциациями в течение 2000 г. было проведено диагностическое обследование 2948 предприятий. В ходе изучения их финансово-хозяйственной деятельности предприятия были разделены на следующие 5 групп:

— предприятия, не нуждающиеся в постприватизационной поддержке;

— предприятия, нуждающиеся в постприватизационной поддержке, имеющие стратегическое значение;

— предприятия, не имеющие республиканского значения, государственные активы которых могут быть переданы в управление физическим и юридическим лицам;

— несостоятельные предприятия, не имеющие стратегического значения для государства, государственные активы которых могут быть переданы на конкурсной основе в доверительное управление, проданы членам трудового коллектива или сторонним инвесторам;

— несостоятельные предприятия, к которым должна быть применена процедура банкротства.

По результатам обследования и на основе собранных материалов выявлено 1142 акционерных общества, нуждающихся в постприватизационной поддержке. Информация о результатах диагностического обследования предприятий представлена в табл. 1.

Итогом проведенного обследования стала разработка программ постприватизационной поддержки, предусматривающих решение следующих основных задач:

— финансовое оздоровление предприятий, в том числе путем санации;

— расширение партнерских связей с зарубежными фирмами;

— реализацию неразмещенных пакетов акций, в том числе иностранным инвесторам;

— передачу государственных пакетов акций на альтернативной основе в доверительное управление;

— обучение руководства и специалистов предприятий современным методам управления;

— содействие в организации вторичной эмиссии акций и их реализации;

— расширение доступа предприятий к высококачественным сырьевым ресурсам;

— сокращение непроизводительных расходов предприятий путем передачи отдельных объектов социальной инфраструктуры на баланс местных хокимиятов или реализации их сторонним инвесторам.

Для оказания адресной постприватизационной поддержки 25% средств, поступающих от разгосударствления и приватизации, направляются в распоряжение акционерных обществ на реконструкцию и техническое перевооружение, что не замедлило принести свои положительные результаты.

Постприватизационная поддержка предприятий осуществляется также с привлечением международных специалистов. Совместно с Всемирным банком осуществляется проект «Постприватизационная поддержка приватизированных предприятий», который предусматривает совершенствование методов управления, реконструкцию прива-

тизированных предприятий и развитие местного рынка консалтинговых услуг. Сумма выделенного для этих целей кредита МБРР составляет 15,0 млн. долл. США.

В целях повышения эффективности управления государственными активами и долями акций в акционерных обществах, оказания приватизированным предприятиям адресной и целенаправленной поддержки одной из основных задач, возложенной на государственных поверенных и доверительных управляющих, является проведение стратегии, направленной на улучшение финансово-хозяйственной деятельности предприятий, совершенствование системы менеджмента и маркетинга.

Таблица 1

Всего АО	Количество АО, сгруппированных по результатам обследования				
	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа
Комплекс индустриального развития					
287	207	72	2	6	0
Агропромышленный комплекс					
790	653	93	15	29	0
Комплекс производства потребительских товаров и торговли					
386	324	61	0	0	1
Комплекс топлива и энергетики					
140	119	21	0	0	0
Комплекс строительной промышленности, транспорта и связи					
443	150	206	46	31	10
Социальный комплекс					
172	57	26	87	2	0
Комплекс разгосударствления и приватизации					
19	0	19	0	0	0
Комплекс строительства и развития дорожно-транспортных коммуникаций					
52	50	1	0	1	0
Предприятия, не имеющие республикайских органов управления					
659	246	35	164	212	2
Всего по комплексам					
2948	1806	534	314	281	13

К числу наиболее важных задач, решаемых в ходе разгосударствления и приватизации, относятся создание многоукладной экономики и стимулирующей конкурентной среды, передача собственности в руки реальных хозяев, предоставление им широких возможностей для предпринимательской деятельности.

Формирование класса реальных собственников с самого начала проведения экономических реформ осуществлялось по следующим основным направлениям:

— путем использования принадлежащих частным лицам недвижимости и другого имущества;

— на основе разгосударствления и приватизации, путем приобретения государственного имущества, в том числе на аукционах и по конкурсу, а также акций приватизируемых предприятий;

— на основе развития предпринимательства и индивидуальной трудовой деятельности.

В результате разгосударствления и приватизации объектов государственной собственности сформировался класс собственников со следующей структурой:

— мелкие собственники, имеющие в собственности имущество, не приносящее доход и предназначенное для собственного пользования;

— средний класс собственников, имеющих в собственности, наряду с имуществом для собственного пользования, активы (капитал), предназначенные для получения дополнительного предпринимательского дохода или доходов от вложенного капитала;

— крупные собственники, имеющие в собственности крупные частные предприятия, фирмы и получающие значительный доход от их деятельности.

Класс собственников в республике представлен акционерами (физическими лицами) в количестве более 900 тыс. человек, в том числе владельцами дехканских и фермерских хозяйств, пайщиками в ширкатных хозяйствах, а также владельцами имущества и имущественных прав (на землю), других объектов недвижимости, приобретенных на биржевых, аукционных и конкурсных торгах.

Наиболее существенным достижением в совершенствовании механизма управления акционерными обществами и расширения класса собственников явилось расширение участия населения в процессах приватизации, в том числе через систему приватизационных инвестиционных фондов. На сегодняшний день по республике акционерами приватизационных инвестиционных фондов являются более 74,4 тыс. физических лиц, вложивших в акции фондов 316,9 млн. сум. собственных денежных средств.

Одно из основных направлений развития процессов приватизации — привлечение иностранных инвестиций в экономику республики. Это осуществляется в основном путем реализации части пакета акций приватизированных предприятий или продажи государственных объектов целиком иностранным инвесторам.

Данный процесс осуществляется при непосредственном участии международных организаций, таких, как Всемирный банк (МБРР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития (АБР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международный валютный фонд (МВФ), Японское агентство международного сотрудничества (ЛСА) и др.

В соответствии с Соглашением о кредите между Республикой Узбекистан и Международным банком реконструкции и развития, реализуется проект институционального развития предприятий. Он включает в себя три части:

— программа по индивидуальной приватизации, в задачи которой входит продажа долей крупнейших предприятий Узбекистана иностранным инвесторам;

— программа постприватизационной поддержки предприятий, в задачи которой входит предоставление консультаций по реструктуризации и привлечению иностранных инвестиций в проекты по модернизации и реконструкции предприятий;

— развитие рынка капиталов, что значительно ускорит совершенствование депозитарной и клиринговой систем, деятельность фондовой биржи и приведет эти системы в соответствие с мировыми стандартами.

Указанные выше меры содействуют дальнейшему совершенствованию и повышению эффективности механизма управления государственным имуществом, развитию предпринимательства и углублению процессов приватизации с привлечением иностранных инвестиций в экономику Узбекистана.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

За годы независимости в Узбекистане создана достаточно развитая двухуровневая банковская система. На первом уровне находится Центральный банк Республики Узбекистан, деятельность которого осуществляется на основе специального Закона «О Центральном банке Республики Узбекистан», а второй уровень образуют коммерческие банки. В настоящее время в их составе имеются государственные, совместные и частные банки.

В Узбекистане идет постоянный процесс совершенствования деятельности коммерческих банков. В этих целях издаются Указы Президента страны И. А. Каримова и Постановления Кабинета Министров. Последний раз такие документы были приняты в марте 2000 г. (Указ Президента Узбекистана И. А. Каримова «О мерах по дальнейшей либерализации и реформированию банковской системы» и Информационная программа «Право»).

В указанных документах намечен комплекс мероприятий, направленных на совершенствование деятельности коммерческих банков путем предоставления им большей самостоятельности при формировании и осуществлении кредитной политики. Отныне они будут ежегодно разрабатывать и утверждать основные направления своей кредитной политики, стимулирующие рост кредитных вложений в реальный сектор экономики.

Успешная реализация мер, намеченных в указанных выше документах, в определенной степени зависит от совершенствования банковского менеджмента и методов подготовки банковских кадров. Это определяется тем, что для обеспечения своего функционирования коммерческий банк должен постоянно заниматься организацией, обучением и управлением человеческими ресурсами, имеющимися в его распоряжении, так, чтобы они могли успешно реализовать стратегию и миссию банка.

Такое понимание роли и места персонала коммерческого банка в достижении его стратегических целей исходит из более широкого учета человеческого фактора в деятельности любой организации. В современных условиях одним из важнейших направлений совершенствования системы и методов управления должно быть рациональное использование трудового потенциала. Повышение роли человеческого фактора в деятельности организации, в том числе коммерческого банка, вызывается тем, что знания, умения, инициатива, предприимчивость работников становятся все более важным стратегическим ресурсом наряду с финансовым капиталом банка.

Человеческий фактор можно определить как систему взаимодействующих, занимающих разное положение классов, слоев и групп, деятельность и взаимодействия которых обеспечивают прогрессивное развитие общества¹. Это свидетельствует о том, что человеческий фактор можно представить как коллективный субъект общественной жизни и политическую структуру, взаимодействие элементов которой обеспечивает развитие общества.

Глубокие преобразования, происходящие в экономике страны, активизируют человеческий фактор. Такую активизацию его можно рассматривать с точки зрения социально-психологического аспекта трудо-

¹ См.: Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология общественной жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991. С. 35.

вой деятельности работника, характерного для данного этапа развития общества.

Современный этап формирования системы коммерческих банков Узбекистана характеризуется повышенными требованиями к их персоналу. В этих условиях требуется создать такую систему управления человеческими ресурсами, которая была бы нацелена на решение следующих задач:

— организацию эффективной работы банковского персонала, что требует создания особой организационной структуры, ориентированной на реализацию стратегических целей и миссии банка;

— формирование у персонала банка правильных навыков и культуры в работе. Это особенно важно для банковских работников, поскольку они ежедневно общаются с клиентами, а значит культура общения играет важную роль в их деятельности;

— постоянное совершенствование структуры должностей, расстановку кадров на нужных местах для максимального использования их навыков и способностей в целях достижения стратегии банка. Этого можно добиться путем постоянного обучения работников с учетом меняющихся условий.

Управление человеческими ресурсами осуществляется всеми руководителями банка, его структурных подразделений, специалистами службы кадров и специализированных служб. В этих целях в каждом крупном коммерческом банке Узбекистана созданы отделы (управления) обучения и переподготовки кадров.

Руководители структурных звеньев банка играют важную роль в подборе и расстановке кадров. Они создают свои службы, отделы, подбирают и обучают свой персонал, а также руководят его деятельностью в повседневной работе. При этом они используют свои навыки управления человеческими ресурсами, применяя различные приемы и разную политику, процедуры и средства, как разработанные в данном коммерческом банке, так и почерпнутые из практики деятельности банков других стран.

Руководство банка в лице председателя правления и его заместителей разрабатывает общую стратегию, цели и нормативы, создает и развивает производственную культуру, присущую данному банку. На руководство банка возлагается ответственность по поиску путей достижения цели и миссии банка, что требует поиска и расстановки квалифицированных специалистов в нужном месте.

Важным фактором эффективного управления человеческими ресурсами является совершенствование структурных подразделений банка. Стратегические цели и тактика банка отражаются в показателях его работы. Для достижения поставленных целей целесообразно совершенствовать организационную структуру, например, возникает необходимость создания специального подразделения, занимающегося вопросами управления активами и пассивами банка. Значит, создание такого отдела потребует подготовки специалистов, способных реализовать функции данного подразделения.

Этот пример показывает, что в целях достижения наилучших результатов в деятельности банка необходимо превратить управление персоналом в целостную систему на основе соответствующей стратегии, в которой различные меры работы с кадрами соподчинены по содержанию и времени. Стратегия управления персоналом нацелена на то, чтобы лучше стимулировать и оптимизировать ее влияние на работников, особенно на их трудовые качества и квалификацию, и создать тем самым единую, соответствующую конкретной целевой группе комбинацию элементов политики управления персоналом.

В условиях, когда перед коммерческими банками страны поставлены важные проблемы повышения их роли в обеспечении экономического роста, управление персоналом становится составной частью концепции развития банка, органически совмещается с ней. Эта политика должна ориентироваться на тенденции развития экономики страны, учитывать перспективы мирового финансового рынка и процессы глобализации мировой экономики.

Исходя из этого, можно определить концепцию управления персоналом коммерческого банка, которая состоит: в интеграции управления персоналом со стратегией развития банка, повышении роли работников в дальнейшем развитии банка, определении мотивационных установок работников, умении формировать и направлять их мотивации в соответствии со стратегией развития банка.

Такое всеобъемлющее понимание концепции управления персоналом банка исходит из того, что кадры рассматриваются не просто как фактор производства, а как жизненно важный ресурс для достижения целей и миссии банка. Этот интегрированный подход объединяет интересы банка и отдельных его работников и тем самым становится основополагающим принципом достижения высокой полезной отдачи персонала в достижении целей, стоящих перед данным коммерческим банком.

В современных условиях знания, умения, квалификация, инициатива и предприимчивость банковского персонала оказываются все более важными стратегическими ресурсами. В связи с этим важной проблемой становится преодоление ранее существовавшего одностороннего подхода в управлении персоналом, который игнорировал знания и умения работников. Вследствие этого процесс управления персоналом не увязывался со стратегией и миссией банка. В нынешних же условиях важно, чтобы банк, разрабатывая и совершенствуя свою систему и методы управления, более полно учитывал человеческие ресурсы.

Использование приемов и методов управления человеческими ресурсами предполагает совмещение наличных человеческих ресурсов с корпоративными целями банка. Это требует развития целостной и сильной корпоративной культуры, а также взаимоувязки и балансирования настоящих и будущих потребностей. Такой подход к управлению человеческими ресурсами банка вызывается глобализацией мирового финансового рынка, ускорением технологических изменений во всех сферах экономики, формированием специалистов, обладающих универсальными знаниями и навыками работы, что происходит за счет широкого использования мировых информационных технологий (INTERNET) и др.

В современных непростых условиях коммерческие банки должны применять новые формы и средства в работе с кадрами, основанные на комплексном подходе, более широком использовании элементов стратегического планирования, индивидуальных форм работы с каждым служащим. Поэтому типовые элементы управления человеческими ресурсами банка должны быть ориентированы на качество подбора, найма и тренинга работников, применение групповых методов труда, с тем, чтобы создать благоприятную среду для сотрудничества и делегирования принятия решений.

Исходя из этого, можно сказать, что в будущем определяющим фактором реализации наиболее важных функций управления человеческими ресурсами станет помощь линейному менеджеру в управлении персоналом структурного подразделения банка, в формировании системы оплаты труда, развитии человеческих ресурсов и эффективном использовании сотрудников в соответствии с целями развития банка.

Как указывается в литературе², наиболее важными требованиями к уровню квалификации будущих специалистов по управлению человеческими ресурсами являются:

— глубокое знание бизнеса (в данном случае знание перспектив развития банковских продуктов, конкурентов, тенденций зарождения и развития новых организационных структур на финансовом рынке страны, например создание новых структур в виде финансово-промышленных групп);

— способность применять новейшие методы управления человеческими ресурсами, а также умение проектировать и поддерживать их эффективные взаимосвязи, деловое общение;

— способность к укреплению позитивных изменений путем воздействия на людей, распространения лучшего опыта организационно-развития.

Общие тенденции развития системы управления человеческими ресурсами коммерческого банка можно определить следующим образом:

— во-первых, от управления персоналом к управлению человеческими ресурсами. Это определяется тем, что функция управления человеческими ресурсами носит интегрированный характер и является частью стратегии развития банка;

— во-вторых, повышение стратегической роли управления человеческими ресурсами. В связи с этим надо перейти от просто подбора и расстановки кадров к активному вовлечению их в формирование и реализацию стратегии развития коммерческого банка, в основе которой лежит миссия банка;

— в-третьих, повышение требований к статусу и профессиональным качествам персонала, участвующего в управлении человеческими ресурсами. Если раньше работниками отдела кадров могли быть любые специалисты, то стратегический характер управления работниками банка требует, чтобы ими руководили высококвалифицированные психологи, менеджеры.

Эти и другие новые тенденции в управлении человеческими ресурсами коммерческого банка поднимают данную проблему на качественно новый уровень.

Таким образом, отличие концепции человеческих ресурсов от концепции управления персоналом состоит в признании экономической целесообразности инвестиций, связанных с привлечением лучшей по качеству рабочей силы, ее постоянным обучением, поддержанием в трудоспособном состоянии. Это новое явление в процессе управления работниками банка основывается прежде всего на экономических аргументах, лежащих в основе поиска средств, которые используются для развития способностей и других деловых качеств персонала коммерческого банка.

² Одегов Ю. Г., Журавлев П. В. *Управление персоналом*. М., 1997.

С. М. ГАППАРОВ

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВОВЫХ НАУК

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов в своем выступлении на шестой сессии Олий Мажлиса первого созыва отметил, что «многие очень важные законы все еще не подкреплены соответствующими подзаконными актами, не выработан четкий механизм реализации уже принятых правовых норм и гарантий»¹.

¹ Каримов И. А. *Важнейшие задачи углубления демократических реформ на современном этапе*. Ташкент, 1996. С. 95.

Это объясняется, прежде всего, низким уровнем правосознания нашего общества и, в первую очередь, самих законодателей.

Правосознание — это умственный прием человеком норм правоотношений и их реализация в жизнь, неотъемлемый элемент структуры правовой культуры гражданского общества. Оно включает в себя совокупность представлений, трактующих правомерное (либо противоправное) поведение как систему взглядов, служащих источником для законотворческого процесса, включенных в деятельность по реализации законодательства, применению и соблюдению норм права.

Основой правосознания является правопонимание, уяснение человеком сущности права, его значения для конкретного человека.

Специфика правовых отношений заключается, прежде всего, в том, что их участники (индивиды, социальные группы, социальные общности, общественные и государственные организации) связаны между собой системой равных обоюдных предоставлений и получений, т. е. каждый субъект общественной жизни (личность либо социальная группа) что-либо предоставляет другим субъектам правовых отношений и что-то получает от них. Это могут быть вещи, духовные блага, услуги, информация и т. д. В гражданском обществе с развитой правовой культурой субъекты права взаимодействуют на началах равенства прав.

Надо отметить, что в обществе закрытом, в котором существует преимущественное либо монопольное положение какого-либо класса или социальной группы, принцип равенства субъектов права не соблюдается. И в данном случае правопонимание строится на основе двух принципиально возможных предпосылок. Либо неравенство субъектов права закрепляется в государственных законодательных актах, либо принцип равенства субъектов права формально провозглашается, но игнорируется в реальной государственной правоприменительной практике. Тогда реальное отношение личности к провозглашаемому закону может быть прямо противоположным провозглашаемому. И это ведет к разложению социальной организации общества.

Данный процесс описан еще французским философом и правоведом XVIII в. Ш. Монтескье. Он выделял три основных типа социальной организации и соответственно правовых отношений:

1. Монархия — социальная структура зиждется на иерархии социальных слоев. Монарх, самодержавные институты и его подданные в равной мере подчиняются закону.

2. Демократия — основана на равенстве в правах всех личностей и социальных групп. Все руководящие должности являются выборными. Существует разделение властей — законодательной, исполнительной и судебной.

3. Тирания — власть одной личности, с группой сторонников, основанная на насилии и игнорирующая закон.

По мнению Монтескье, если в монархических либо демократических государствах не соблюдаются основные принципы их организации, то они вырождаются: демократия — в олигархию, власть группы людей, а монархия — в тиранию, когда монарх, пользующийся властью, перестает соблюдать законы².

Предпосылкой стабильности правовых отношений является наличие у их субъектов — личностей определенных социальных качеств, которые формируются как результат их включенности в различные социальные связи: экономические, политические, этнические, демогра-

² Монтескье Ш. О духе законов // Избр. произв. М., 1957. С. 257.

фические, профессиональные и т. д. Именно на основе этих качеств формируется определенная правовая культура, позволяющая субъектам права так или иначе участвовать в правовых отношениях.

В методологическом плане основные признаки права целесообразно разделить на две группы.

К первой из них относятся его интегральные специфические признаки, которые характеризуют право в целом, в отличие от других форм общественного сознания. Это, прежде всего, такой признак права, как равенство. Это подразумевает, что общественные субъекты выступают в отношениях права какой-либо одной стороны, которая характеризует их общность. По существу, это применение одинакового масштаба к различным людям.

Второй специфический критерий правоотношений — свобода. Она по своей природе подразумевает конструктивное (целенаправленное) поведение людей в условиях обретенной свободы. Иными словами, понятие свободы шире понятия права и означает независимость людей от политического либо экономического принуждения. Однако право регулирует поведение людей, свободных от принуждения.

Еще один специфический признак права — справедливость. Это качество применительно к праву означает сбалансированность, эквивалентность, взаимность процесса предоставления и получения, которыми обмениваются между собой находящиеся в отношениях права общественные субъекты.

Праву как форме деятельности присущ также притязательно-обязательный характер его норм. Право подразумевает в отношениях между субъектами обширную систему взаимозависимых правил поведения, характеризующихся такими компонентами, как возможное и должное. Это подразумевает неразрывное единство прав и обязанностей.

Правосознание по своей природе есть предпосылка правовой деятельности. В свою очередь, правовая деятельность направлена на подчинение поступков, действий, поведения общественных субъектов нормам, которые отражают социальную природу права, закономерности его структуры и существования. Этим определяется его специфика. Вместе с тем правовая деятельность опосредствует различные экономические, политические, демографические и иные процессы, представляя их определенной стороной.

Производство (порождение) правосознания и отражение в нем объективных характеристик права по своим механизмам, по материализующимся конечным результатам есть, по сути, идентичный вид деятельности.

Вступая в правовые отношения, человек в той или иной степени (форме) усваивает наиболее общие (сущностные) признаки права. Осознание сущности правовой деятельности и есть правосознание.

«Правосознание,— отмечается в монографии «Формы общественного сознания»,— представляет собой результат отражения (мысленного воспроизведения) права в сознании людей, воплощаемый в совокупности знаний и оценок как относительно самого права, так и опосредствующих его социальных институтов (государства, законности, правопорядка и т. д.)»³. Фактором, оказывающим решающее воздействие на идеологическое содержание этих знаний и оценок, является степень равенства людей в обществе.

Можно выделить ряд этапов в истории становления правосознания. В древности, в момент генезиса человеческой общности правосознание выступало, как правило, результатом установленных импе-

³ Формы общественного сознания. М., 1988. С. 170.

ративов (норм) поведения личности. Эти установленные нормы в той или иной степени регламентировали состояние личности и при этом не существовало какой-либо разницы между правом (законом) как системой запретов и фундаментальными свободами личности, которые общество не может и не должно регулировать. Такие законы, в частности, могли регулировать убеждения, вероисповедание человека, его личную жизнь и т. д.

В условиях античных демократий (I тыс. до н. э.) изменение общественных отношений привело и к эволюции правосознания. Сущностной характеристикой правоотношений стала не только совокупность норм, регламентирующих поведение личности, но и признание за личностью определенных прав по отношению к обществу, определенных свобод. Общество и личность должны связывать обоюдные права — обязанности. За человеком стали признаваться фундаментальные права, которых не должны нарушать устанавливаемые обществом законы и их изменения. Но это, конечно, касалось свободных людей.

В более поздний период для различных общественных устройств (западных и восточных) стала характерной установка на сословность, т. е. тот или иной комплекс прав должен был считаться привилегией определенного сословия.

Восточные мыслители, рассматривая проблемы общественного устройства, уделяли большое внимание морально-этическим аспектам правоотношений. Разрабатывая «учение о добродетельном городе», ал-Фараби подчеркивал, что «правителем данного города должен быть человек, наиболее честный в этическом, моральном отношении. Законы же устанавливаемые должны быть направлены на моральное оздоровление общества»⁴.

Правосознание в восточном обществе мусульманского мира в значительной степени строилось под влиянием исламской культуры, регулирующей поведение человека на основе нравственных норм, а также установлений шариата и адата.

В эпоху нового времени (XVII—XVIII вв.) в европейских странах фундаментом правосознания стала идея «естественного права», которое общество не должно нарушать. Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо и ряд других мыслителей (в основном французских) в той или иной форме разработали теорию «общественного договора». Согласно данному подходу, государство возникло на основе того, что изначально свободные люди договорились о способах «совместного обязательства», чтобы не мешать друг другу в реализации своих интересов. К числу естественных прав относились «свобода в убеждениях и действиях, в обладании и распоряжении собственностью, равенство всех перед законом и т. д.»⁵

Важнейшим элементом правосознания в данный период стала идея «правового государства» или примата (первичности) права над государством. Сущность понятия «правовое государство» включала и включает в себя признание того, что права отдельной личности первичны по отношению к правам и интересам государства и не могут быть нарушаемы.

Рассмотрим далее основные формы и функции правосознания. В качестве форм правосознания выделяются правовые чувства, правовые навыки и привычки, правовые знания. Эти категории фиксируют степень оформления правосознания у отдельного человека.

Так, правовые чувства содержат в себе субъективно ощущаемую установку по отношению к различным сторонам и признакам дейст-

⁴ Ал-Фараби. Избр. прозв. Ташкент, 1957. С. 320.

⁵ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 310.

вительности. Правовое чувство включает внутреннее осознание человеком необходимости соблюдения тех или иных норм, законов, внутреннее стремление к этому.

Следующий этап — правовые навыки. В данном случае человек, стремящийся совершать определенные правовые действия, овладевает соответствующими навыками этого на основе знания законов. Навыки также становятся неотъемлемым элементом сознания личности, закрепляются в качестве определенных приемов.

В качестве правовых навыков выступает умение совершать требуемые правовым общением внешние действия. Навыки освобождают человека от необходимости всякий раз обдумывать свои действия специально (способ их реализации). Правовые навыки, став элементом знания личности, позволяют ей всецело сосредоточиться на целях своих действий и не анализировать всякий раз сознательно формы их регламентации (права).

Близки к правовым навыкам правовые привычки, отражающие устойчивую внутреннюю потребность индивида в постоянном следовании определенным нормам. Правовая привычка — это не что иное, как укоренившаяся в сознании установка на соблюдение определенных правил, законов и т. д.

В привычках откладывается, «прессуется» определенное фактическое знание индивидами права. Они закрепляют регулятивную роль права в общественном сознании.

Наконец, правовые знания присутствуют как следствие ориентации субъектов в сфере права в виде определенного набора сведений, мнений, оценок, установок, образов обыденного сознания. Практическое правосознание всегда выступает как форма обыденного сознания со всеми присущими ему характеристиками, свойствами, признаками. Необходимо отметить, что взятое само по себе правосознание не познает, не оценивает, не регулирует. Люди осуществляют оценку своих конкретных действий посредством правосознания.

Право сознается людьми в результате практического пользования им, благодаря прямому соучастию людей в правовых отношениях. Право отражается в законах, нормах, установленных обществом. Данные нормы, законы фиксируют, что именно и как в праве официально признается, закрепляется и сохраняется. В качестве объекта познавательной деятельности право предстает и в совокупности накопленных обществом знаний о нем, которые так или иначе приходится осваивать людям.

Субъекты (люди), познающие право, отличаются друг от друга социальными позициями и ролями, профессией и общеобразовательной подготовкой, имущественным положением, этничностью, мировоззренческой платформой, жизненными целями, задачами и т. д. Этим определяются различный уровень и различные проявления правовой культуры.

Оценочная функция правосознания означает, что с точки зрения понимания природы права субъектом формируются критерии добра, зла, пользы, выгоды, вреда и т. д. В зависимости от того, отвечают или противоречат требования и возможности, заключенные в праве, положению, интересам и целям оценивающего субъекта, он позитивно либо негативно воспринимает право как таковое, соответствующие его аспекты, части, формы.

Но оценка права предполагает, в первую очередь, его знание. Полнота оценки, ее адекватность определяются степенью знания. В данном случае происходит процесс двоякого характера: с одной стороны, для оценки права необходима достаточная степень его зна-

ния, а с другой,— сформировавшаяся оценка определяет направление познания.

Регулятивная функция правосознания заключается в том, что знания и представления о праве человек перерабатывает в систему предписаний, определяющих программу его деятельности, совершение конкретных поступков. Люди сознательно регулируют свое правовое поведение и, кроме того, потребности, позиции, реализующиеся через право.

Важнейшим элементом, способствующим превращению правовых знаний в фактор конкретных действий, является целеполагание. Постановка цели преобразует знания и оценки в области права в определенный план деятельности. Этот план «мотивирует деятельность, расчленяет ее на соответствующие этапы, подбирает подходящие ей средства и претворяет в практические результаты»⁶.

Характер целеполагания определяется, таким образом, правоохватываемыми представлениями и знаниями о нем. Этот образ накладываемый на самосознание субъекта, его самооценку как участника правового общения; это контроль своих действий в данной сфере общественной жизни.

Эффективность правосознания, его качественное содержание определяются уровнем (масштабом, основательностью, прочностью) регуляции правовой деятельности субъекта, его позиций и отношений в области права. Эта эффективность обусловлена тем, как осуществляются остальные функции правосознания и как они (вместе взятые) скоординированы между собой.

При равных социально-экономических, политических, историко-культурных условиях право будет осуществлять свои функции успешно в том случае, если оно будет осознавать его контекст с социально-политическими, нравственными аспектами, с мировоззрением и т. д.

Правосознание тесно связано с чувством долга. А. Г. Спиркин отмечает, что «ведущее место в самосознании занимает осознание требований общества и личности, своего общественного долга и смысла жизни, ответственности за порученное дело перед коллективом, обществом и, возможно, перед всем человечеством»⁷.

Правосознание тесно взаимодействует с политическим и нравственным типами сознания. Общность выражается в том, что целый ряд определенных категорий общезначимы для этих видов сознания. Общность правового и политического сознания выражается в таких категориях, как «законное», «преступное», «порядок», «правомочие», «обязанность», «компетенция» и т. п. Однако они функционируют в разном контексте. В зависимости от природы общества и государства, могут быть привычными правовые либо политические представления об этих категориях. В государстве закрытом, построенном на идеологической основе, правовые понятия имеют подчиненное значение по отношению к политическим: «интересы государства и общества» приносятся им в жертву. В государстве правовом правовые категории и механизмы их функционирования первичны по отношению к политическим целям и интересам.

На различных исторических этапах в процессе взаимодействия правовых и политических аспектов в обществе по-разному выражалось их превалирование. Так, в XVII—XVIII вв. в Европе юридическое мировоззрение было первичным по отношению к политическому мышлению, это был период закрепления представлений о «естественных правах» в законодательстве США, в «Декларации прав челове-

⁶ Юдин Э. Г. Системный подход и принципы деятельности. М., 1988. С. 348—349.

⁷ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1982. С. 147.

ка» во Франции. Периоды же крупных социальных потрясений (революций) характеризуются доминированием политического сознания. Это в полной мере характерно для событий 1917 г. в России, когда «политическая целесообразность» ставилась выше права:

Однако надо отметить, что имеется принципиальное различие между природой правовых и политических отношений, «первоэлементка всей правовой сферы — отношение права, в области политики — публично-властное отношение, сердцевинной которого выступает связка повеление — подчинение»⁸. Иными словами, если правовые отношения предполагают равенство субъектов, то политические отношения заведомо основываются на иерархии.

На понимание роли правосознания в жизни общества и личности существенно повлияла и эволюция философских представлений о месте человека в мире, в частности переход от средневековых представлений о месте человека в мире к представлениям нового времени. К. С. Гаджиев отмечает, что, «рассматривая человека как пылинку, абсолютно подчиненную богу, средневековые смотрели на него и как на носителя образа и подобия божья... Новое время изменило пространственное измерение человеческого существования. Человек как автономный субъект расположил себя в центре, вокруг которого как бы вращался весь остальной мир. Но вместе с открытием коперниканской системы мироздания претензии человека быть центром вселенной со все более растущей очевидностью стали выглядеть абсурдными»⁹.

Иными словами, развитие науки нового времени сопровождается изменением представлений о месте человека в природе, а вместе с тем (как следствие) изменением сути правосознания. Если человек является элементом природы, то вполне возможно рассматривать его только как элемент и в общественной жизни. Именно такое мировоззрение, отрицающее самоценность человеческой личности, неизбежность ее фундаментальных прав, послужило основой для социальных революций.

В условиях становления в Узбекистане институтов гражданского общества, развития процессов формирования соответствующего правосознания особую значимость представляет проблема его типологизации, поскольку выявление общих закономерностей развития различных его форм позволит проследить процесс его развития в гражданском обществе.

Прежде всего можно выделить правоознание общества. Оно отражает правовую природу вещей, принципы и схемы правового общения, которые вызревают и утверждаются в социальной жизни независимо от чьих-либо намерений и желаний. Поэтому данный тип правосознания есть объективно-мыслительное выражение реального процесса совершаемой в обществе правовой деятельности.

Правовое сознание общества находится в отношениях взаимозависимости с групповым и индивидуальным правосознанием. Оно является внешней формой их детерминации. Э. В. Ильенков отмечал, что «с требованиями и ограничениями, которые в нем содержатся, индивидам и группам приходится считаться столь же серьезно, сколь серьезно вынуждены они считаться со своими потребностями, интересами, положением»¹⁰. Таким образом, в качестве свойства правового сознания общества можно рассматривать нормативность.

⁸ Формы общественного сознания. М., 1988. С. 110.

⁹ Гаджиев К. С. Размышления о свободе // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 36.

¹⁰ Ильенков Э. В. Проблемы идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 138—139.

Однако нормативность правосознания нельзя отождествлять с нормативностью системы законодательных актов. Законы, правовые нормы действуют непосредственно и принуждают каждого члена общества их соблюдать. Правосознание же является элементом общественного сознания в целом и его воздействие на сознание каждого члена общества осуществляется спонтанно, стихийно.

Совокупное правосознание общества в целом синтезирует в себе правосознание отдельных социальных групп. Поскольку та или иная социальная группа включена в состав общества, в ее правовом сознании всегда присутствуют оценки, императивы, схемы правосознания общества. Но наряду с ними в правосознании общественной группы есть и специфические критерии, стандарты. Они являются продуктом особого места данной группы в системе общества, ее специфической деятельности, преследуемых в ней групповых целей, используемых средств и т. д. В частности, специфичность правосознания этнической группы определяется этническими традициями и национально-психологическими особенностями. Степень самобытности и устойчивости этнических традиций определяет степень своеобразия, отличия этнического самосознания.

Религиозное правосознание несет отпечаток объединяющих верующих ритуалов, взглядов, организационных связей; суть религиозно настроенного правосознания — принятие сверхъестественного, трансцендентного начала (бога) как источника возникновения, действий и авторитета права.

Специфическое правосознание характерно для сложившихся профессиональных групп: должностных лиц, инженерно-технического персонала, учителей, врачей и т. д. Специфика их правосознания определяется в данном случае их местом в системе общественного разделения труда, уровнем специальной подготовки, служебной компетенцией и т. д. Необходимо отметить, что такого рода правосознание характерно в значительной мере для закрытого, тоталитарного общества, в котором административный, управленческий аппарат образует своеобразную касту. В этой связи Э. Н. Гаджиева отмечает, что значительная часть управленцев, особенно из числа номенклатуры, в прошлом превратилась в замкнутую касту, оторванную от народа и далекую от его забот. Управленческий аппарат, призванный обслуживать население, все более переходил на «самообслуживание»¹¹.

Объективные условия существования и развития тоталитарного государства сделали кастовость неотъемлемым элементом реального правосознания общества. В такой системе законодательные акты, указы, постановления и т. д. играют подчиненную роль по отношению к интересам личностей из привилегированных социальных групп.

В демократическом обществе правосознание формируется как результат реального соблюдения прав и интересов личности, равенства всех членов общества перед законом. Х. Т. Адилкариев пишет, что в правовом государстве «законодатель, осуществляя свои конституционные полномочия, руководствуется принципами государственного суверенитета, многопартийности, социальной справедливости, демократизма, участия народа в законодательном процессе, приоритетности прав и свобод человека и гражданина»¹².

В правовом государстве неукоснительное соблюдение Конституции и законов должно стать неотъемлемой частью правосознания лич-

¹¹ Гаджиева Э. Н. Принципы государственного управления на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ташкент, 1993. С. 10.

¹² Адилкариев Х. Т. Законотворческий процесс в Республике Узбекистан: Вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... доктора юр. наук. Ташкент, 1995. С. 12.

ности. В свою очередь, приверженность членов общества к соблюдению Конституции и законов обеспечивается не принуждением со стороны государства, а гуманистическим содержанием самих актов, учетом в них всех основных прав и свобод личности.

Правосознание является неотъемлемой предпосылкой эффективности процесса законотворчества. Правосознание играет существенную роль на предзаконодательном этапе законотворчества. Основу этого этапа составляют факторы повседневной практики исполнения закона. А это зависит от «установок, мнений, стереотипов поведения, представлений, образов, верований и т. д. Именно на данном этапе формируется необходимость в определенном законодательном акте, т. е. по сути здесь происходит зарождение законодательного процесса. В данном случае необходимо выявление небрежности в законодательном регулировании, изучение предзаконодательного контекста»¹³.

В методологическом плане важное значение имеет проблема соотношения правосознания индивида и общества.

Правосознание личности формируется, прежде всего, в рамках той общественной группы, в которой реализуются интересы и потребности данной личности. Социальная группа является связующим звеном между правосознанием личности и общества. Правосознание общества как целого испытывает на себе влияние сознания общественной группы, которое формируется под влиянием общественного сознания как целого, выражающего общественно значимые интересы и потребности.

Правосознание личности складывается из таких элементов, как личные потребности и интересы, социальное положение, привычно практикуемые индивидом стереотипы правовой деятельности, конкретно неповторимые черты воспитания, образования, особенности восприятия, нормы морали, самооценка, психофизиологические параметры, различные по своему содержанию и по сочетанию в процессе их влияния на индивида.

Индивидуальное правосознание зависит от уровня социально-культурной зрелости личности. В свою очередь, этот уровень зависит от того, насколько точно усваивает индивид принципы действующей в обществе правовой системы, в какой мере правовые нормы выражают его истинные (а не кажущиеся ему таковыми) потребности, интересы, цели, какова степень информированности о нормах, процедурах, институтах, опосредствующих реализацию (защиту, восстановление) права, каково внутреннее отношение индивида (позитивное или негативное) к данным нормам, процедурам, институтам. Кроме того, правосознание как определенная форма общественного сознания соотносится с эмоциональной сферой внутреннего мира личности. Правосознание личности содержит, следовательно, и эмоциональный уровень, формирующийся в значительной степени под влиянием практического правосознания. В свою очередь, эмоциональный уровень правосознания формирует правовые чувства.

На эмоциональном уровне правосознания сфера охвата и глубина постижения сущности права уже, чем в интеллектуальном процессе. При этом формируются особые социально-психические механизмы порождения и передачи правовых чувств. Среди них можно выделить подражание, внушение. Поскольку эмоциональные процессы свойственны не только психике, внутреннему миру индивида, но и психике групп, то необходимо отличать как психологию личности, так и психологию той или иной группы.

¹³ Там же. С. 33.

Необходимо отметить, что подражание, внушение выполняют свои функции в ходе стихийного формирования правосознания. Каждый человек в процессе общения неизбежно перенимает социально значимые навыки, к числу которых относится и поведение, формируемое правосознанием.

Правовые чувства, раз сформировавшись, функционируют относительно стабильно и оказывают существенное воздействие на интеллектуальные процессы. Они влияют на интеллектуальное восприятие индивида через каналы мотивации, целеполагания, самообразования, способствуют как генезису, так и ускорению либо замедлению данных процессов.

Интеллектуальная деятельность в области права, порождаемая правовыми чувствами, достаточно многоаспектна. Прежде всего ее основу составляет научно-теоретическое познание права, реализующееся в юридических и смежных с ними науках, которые составляют неотъемлемую часть правосознания и образуют (с методологической точки зрения) его высший уровень.

Классификация правовых наук как формы правосознания имеет как гносеологические, так и мировоззренческие аспекты. Гносеологическая основа классификации предполагает, прежде всего, учет степени общности методов, применяемых определенной наукой. Мировоззренческая основа классификации предполагает учет влияния правовой дисциплины на системы ценностей личности, социальной группы, общества.

Комплекс юридических наук (юриспруденция) содержит в себе как дисциплины, разрабатывающие методологию права, так и направления, решающие предельно практические задачи.

Правосознание как предпосылка формирования правовой культуры имеет мировоззренческое и методологическое значение при функционировании и развитии системы правовых наук.

Мировоззренческий аспект правосознания заключается в том, что оно формирует отношение к миру, способствующее адекватному восприятию всей системы правовых норм, регулирующих общественную жизнь. В этом отношении правосознание включает в себя определенные ценностные ориентации, такие, как чувство долга, уважение к закону и т. д.

Методологическая роль правосознания заключается в том, что оно формирует определенные установки, необходимые для исследования правовых норм. Правосознание, формируя объективное отношение к закону, закладывает основу для восприятия права, выступая фундаментом правовой культуры.

Дальнейшая глубокая и всесторонняя разработка всего этого сложного комплекса проблем имеет важное значение как действенный фактор формирования и укрепления методологической базы для дальнейшего развития правовых наук в интересах успешного строительства подлинно правового демократического государства и гражданского общества в суверенной Республике Узбекистан.

К. А. ИШНИЯЗОВ

К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ АДВОКАТА

Эффективность, результативность защиты — явление социально-правовое. Ее изучением могут заниматься науки: право, философия, социология, психология и другие отрасли знаний. Под эффективностью понимается обеспечение решения поставленных задач в возможно

короткий срок при наименьших затратах времени, трудовых, материальных и финансовых ресурсов.

При исследовании проблемы эффективности защиты надо исходить из того, что она предполагает сознательный выбор адвокатом таких средств, приемов и методов работы, которые способны при наименьших затратах сил дать выгодные результаты¹.

Под результатом работы адвоката необходимо также понимать соотношение достигнутого им успеха с первоначальными задачами. Это — итог его усилий по сравнению с намеченным планом. Суть успеха защиты определяется степенью достижения тех задач, которые ставил перед собой адвокат; соотношением результатов применения его усилий с тем финалом, к которому он стремился.

В понятие результата защиты входят:

— достижение непосредственных, ближайших целей, поставленных адвокатом;

— наступление позитивных конечных целей защиты;

— рациональность работы, т. е. сведение до минимума ошибок при защите, экономии сил и средств адвоката, внедрение его «разработок» в конкретное дело, выполнение им нужных действий наиболее рациональным способом².

Когда же речь идет об эффективности тактической деятельности адвоката при решении своих задач по конкретному уголовному делу, то критериями его успеха могут служить:

— достижение адвокатом объективной истины, т. е. достоверного установления подлинных фактических обстоятельств содеянного; причем адвокатская истина и следственная версия — это отнюдь не одно и то же;

— успешная защита прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого);

— защитительно-мобилизующее воздействие адвоката на обвиняемого, в результате чего тот находит в себе силы активно самообороняться.

Поскольку средствами защитительной деятельности адвоката являются действия, посредством которых он получает и использует нужные доказательства, то важно уяснение вопроса о путях эффективности этих действий³.

Под результатом (эффективностью) конкретного действия адвоката можно понимать уровень достижения им оптимального успеха, являющегося целью данного поступка, при наименьшей затрате сил, времени и средств.

Вообще же, когда речь идет об эффективности защиты, то здесь, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, очень важно не только достижение нужного результата, но и рациональное (т. е. разумное, целесообразное, обоснованное) использование имеющихся возможностей (времени, сил и средств). Отсюда правомерен вопрос — каковы же пути, меры или средства достижения успеха в защите? К ним, полагаем, надо отнести следующее:

1) законность всех действий и решений адвоката. Это означает, что они: а) должны быть предусмотрены в законе; б) должны быть облечены в установленную процессуальную форму; в) проводятся либо самим адвокатом, либо обвиняемым или ими обоими, а решения принимаются только совместно;

¹ Стецовский Ю. И., Ларин А. М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права за защиту. М., 1988. С. 305.

² Лубшев Ю. Адвокат в уголовном деле. Рукопись. М., 1999. С. 123.

³ Шумский Л. Защищать права граждан не на словах, а на деле // Юстиция. 1990. № 9. С. 2—3.

2) своевременность действия и принятия решения. Ее следует понимать в трех аспектах: а) своевременность в тактическом отношении, т. е. правильный выбор адвокатом момента производства того или иного действия; б) своевременность в смысле безотлагательности, неотложности, быстрейшего проведения тех или иных действий; в) своевременность в процессуальном смысле, когда сроки проведения того или иного действия указаны в законе;

3) правильный выбор действий, который дает в конкретных условиях наибольший эффект в защите, окажется наиболее результативным при наименьших затратах сил и средств адвоката. Аспекты этого выбора таковы: а) выбор наиболее эффективного действия из числа разнородных; б) выбор верного действия из числа возможных однородных;

4) тактически верное определение очередности производства отдельных действий, т. е. выдвижение адвокатом на первый план таких действий, в отношении которых у него есть наибольшая уверенность в их эффективности и которые дадут необходимую защитительную базу для производства последующих действий;

5) тщательная подготовка адвоката к производству действий. Сюда входят: а) изучение всех материалов дела; б) собирание дополнительных сведений, необходимых для производства конкретных действий, когда таких данных в материалах дела нет; в) определение круга участников или адресатов конкретного действия; г) решение организационно-тактических вопросов (вызов нужных лиц, подготовка или использование научно-технических средств, обеспечение транспортом и т. д.); д) составление плана проведения сложных защитительных действий;

6) использование научно-технических возможностей в тех случаях, когда это необходимо. Сюда входят: применение научно-технических средств самим адвокатом; изучение тех материалов дела, где отражена работа специалистов и прокурора-криминалиста;

7) использование адвокатом помощи родственников обвиняемого в случаях производства сложных действий;

8) создание оптимальных (наиболее благоприятных) условий для производства намеченного действия. Ими являются: а) отвечающее определенным требованиям место, где производится это действие (кабинет следователя и т. п.); б) правильно выбранное время его производства; в) учет факторов внешнего и психологического характера, влияющих на нормальное течение задуманного действия; г) непрерывность действия, его завершенность; д) недопустимость замены или подмены защитительного действия другим — нейтральным или обвинительным;

9) освобождение адвоката от технической работы, которую могут и должны выполнять соответствующие специалисты.

Рассмотрим вопрос об экономии средств, направленных на исполнение принятого решения. Вопрос этот важен, так как от ответа на него зависят: а) быстрота (оперативность) защиты; б) уровень затрат сил и средств адвоката; в) экономия его времени. Здесь одинаково недопустимы две крайности: отсутствие всякой экономии средств и беспредельная их экономия во вред успеху. Первая приведет к тому, что адвокат «захлебнется» в ненужном ему материале, а вторая — к упрощенчеству, нарушению закона, интересов обвиняемого, к халтуре⁴.

Следует помнить и то, что сама система уголовного процесса, каждой его стадии и любой уголовно-процессуальной нормы несет в себе многие защитительные качества. Причем в некоторых нормах

⁴ Иванов Э. Н. Защита на предварительном следствии. М., 1990. С. 22.

закона это проявляется особенно наглядно. Так, закон предусматривает: заявление адвокатом ходатайства о прекращении дела, об отмене меры пресечения и ареста на имущество и др. В ряде случаев законодатель альтернативно регламентирует действия адвоката, оставляя выбор наиболее рационального и целесообразного пути на его усмотрение. Таким образом, экономия адвокатом средств вполне допустима, но только в пределах разумного.

При исследовании вопроса о критериях эффективности защиты необходимо выяснить, чем или какими показателями определяется эффективность такой работы. Анализ и обобщение адвокатской практики позволяют назвать критериями успеха:

— достижение намеченной цели (освобождение обвиняемого из-под ареста, переквалификация содеянного);

— охрана прав и законных интересов обвиняемого;

— защитно-стимулирующая работа адвоката с обвиняемым.

Эффективность защиты может быть достигнута только при условии ее обеспечения системой адвокатских гарантий. В эту систему входят:

— правовые гарантии (Закон об адвокатуре, УПК, УК РУз и др.);

— характеристика личности адвоката, приводящего в действие (реализующего) систему правовых гарантий (его общая юридическая и специально-адвокатская подготовка, уровень его мышления, морально-этические качества, психологические данные);

— реальные условия жизни и деятельности адвоката, влияющие на качество его работы;

— содействие адвокату в выборе правильного решения со стороны других участников процесса (эффективность прокурорского надзора, качество дознания и пр.);

— влияние позиции руководителя следственного аппарата и прокурора на качество защиты.

Каждый названный выше элемент системы гарантий несет определенную нагрузку в достижении эффективности работы адвоката. Однако основное место в этой системе гарантий всегда принадлежит самой адвокатской деятельности⁵.

Из сказанного видно, что путь к успеху защиты — это, прежде всего, строгое и неукоснительное выполнение адвокатом своего профессионального долга по каждому уголовному делу. Важное значение для дальнейшего повышения эффективности его защитительной работы имеют также:

— дальнейшее укрепление демократических основ статуса адвоката;

— расширение права обвиняемого на защиту посредством допуска защитника не с момента задержания или предъявления обвинения, а на более ранних этапах расследования;

— изучение и использование адвокатом новейших научных данных;

— принятие мер к обеспечению оптимальной служебной загруженности (нормирование труда) адвоката и определению разумной штатной численности коллегии;

— повышение информационной обеспеченности защиты (расширение каналов информации о совершенных преступлениях; знание основ латентной преступности; совершенствование процессуальных и административных норм, а также криминалистических рекомендаций,

⁵ См.: Руковлов В. Формирование процессуальной позиции защитника// Юстиция, 1990, № 1. С. 25—27.

обеспечивающих эффективные контакты адвоката с прокурором, следователем, органами дознания);

— реальное обеспечение процессуальной независимости и самостоятельности адвоката в процессе;

— постоянное повышение эффективности прокурорского надзора и судебного контроля за возбуждением уголовных дел;

— принятие мер по повышению профессионального мастерства адвокатских кадров;

— внедрение «тенденции коллективизма» в защиту, т. е. вовлечение в эту деятельность (в пределах закона) усилий не только адвоката, но и его помощников, консультантов, специалистов, экспертов и др.;

— внедрение плановых основ во всю адвокатскую деятельность, налаживание четкого ритма и равномерности выполнения необходимых дел в течение дня, недели, месяца и года, ликвидация искусственных «интервалов» в работе.

Адвокатура выступает одним из главных рычагов механизма реализации прав граждан и защиты их от притеснений. Защитить человека всегда сложно. Поэтому нужна особая организация адвокатом своей работы⁶.

При этом требуется определенное содействие обвиняемого, а иногда и других лиц. Большинство обвиняемых готовы оказать защитникам посильную помощь. Вместе с тем некоторые из них бывают заинтересованы в неудаче расследования и готовы принять все от них зависящее, чтобы деятельность следователя оказалась парализованной или безуспешной. И следователю в процессе познания истины приходится затрачивать значительные усилия для преодоления противодействия таких лиц, а также попыток обвиняемого любыми средствами избежать ответственности. Задача же адвоката состоит в том, чтобы выработать такие оптимальные процессуальные, организационные и тактические формы своей деятельности, которые обеспечили бы обвиняемому только законные способы защиты и преодоление правовым путем всех возможных процессуальных препятствий.

Как правило, обвинение человека в совершении преступного деяния вызывает у него страх перед наказанием, боязнь ответственности. Поэтому он совершает различные действия, поступки или же бездействует, считая, что этим поможет себе избежать ответственности либо уменьшить срок наказания. Арсенал его средств ничем не ограничен, тогда как адвокат вправе действовать только законными средствами. Обвиняемые используют умолчание, ложь и клевету как способ своей защиты. Они знают, какие обстоятельства следует скрыть. Защитник, приступая к делу, весьма неполно представляет, кто по каким мотивам совершил преступление, что должно и может быть им установлено по делу. Обвиняемый, имея выигрыш во времени и инициативе, нередко вынуждает адвоката действовать в максимально затрудненной обстановке.

Известно, что продвижение адвоката к своей цели сопровождается накоплением фактических данных, защищающих обвиняемого. Последний, зная о возможности использования следователем тех или других способов и приемов, пытается затруднить их применение, вообще утаить истину, в том числе и от адвоката, дабы уклониться от ответственности. В свою очередь, адвокат, учитывая способы совершения и сокрытия преступления, старается установить скрываемые факты, нейтрализовать противодействие заинтересованных лиц, а не-

⁶ См.: Сидора Ю. Когда защитнику знакомиться с делом? // Законность. 1988. № 2. С. 57—58.

редко и подзащитного в установлении истины. Все это порой придает адвокатскому доказыванию конфликтный характер. Между адвокатом и обвиняемым конфликты возникают тогда, когда не совпадают их цели, интересы и способы действия по отношению к конкретному явлению, предмету, лицу или сложившейся ситуации.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с позицией отдельных практических работников, негативно относящихся к самой идее существования конфликтной ситуации, возможности противоборства и противодействия между защитником и подзащитным⁷.

Конфликты в реальной действительности носят объективный характер и выражают всеобщий закон единства и борьбы противоположностей как движущую силу развития общества. Поэтому было бы ошибкой закрывать глаза на объективное существование конфликтных ситуаций в процессе защиты, на различные формы противодействия адвокату, делать вид, что непосредственные интересы и цели участников уголовного процесса всегда совпадают.

Для распознавания противодействия защите и в соответствии с этим правильного выбора адвокатом тактической линии поведения ему необходимо отличать конфликтную ситуацию, созданную противодействием заинтересованных лиц, от процессуальной ситуации, вызванной осложнениями, связанными с поиском каналов информации, обнаружением защитительных фактов. Имеются в виду случаи, когда обвиняемый (подозреваемый) затрудняется предоставить адвокату необходимую информацию или когда адвокат не может установить с обвиняемым нужный контакт и пр.

Конфликтная же ситуация создается умышленным противодействием обвиняемого, а иногда потерпевших и свидетелей, мешающих следователю в установлении истины и затрудняющих работу адвоката. Этим и объясняется неограниченность, разнообразие средств, способов противодействия защите заинтересованными лицами. Противодействие заключается не только в отказе от передачи запрашиваемой информации или сообщении ложных сведений. Оно выражается также в уклонении от помощи, неявке по приглашению, уничтожении нужных документов, в подкупе свидетелей, сокрытии способов деяния и т. д.

В адвокатской практике встречаются следующие способы противодействия защите: уклонение заинтересованных лиц от следствия и суда; оговор обвиняемого соучастниками преступления; подговор ими свидетелей или потерпевших; инсценировка места происшествия; совершение действий, направляющих защиту обвиняемого по ложному пути; уничтожение и фальсификация вещественных доказательств и документов; перепрыгивание и сокрытие изобличающих документов; использование тайнописей при тюремной переписке; установление нелегальной связи между лицами; содержащимися под стражей и находящимися на свободе; попытки получить нужную информацию против обвиняемого от участников следственных действий⁸.

Рассмотрим способы, наиболее распространенные на практике.

Уклонение обвиняемого от следствия затрудняет, а иногда и исключает достижение целей предварительного следствия, поэтому уголовно-процессуальный закон признает это основанием к применению наиболее строгой меры пресечения — содержания под стражей. Уклонение подзащитного от следствия и суда осложняет работу адвоката.

⁷ См.: Ульянова В. Т. Отвод адвоката-защитника в уголовном процессе // Вестник МГУ. Серия II: Право. 1988. № 1. С. 11—15.

⁸ См.: Ведерников А. А. Актуальные вопросы участия защитника на стадии предварительного расследования: Автореф. канд. дис. М., 1990. С. 20.

Довольно распространен на практике сговор между соучастниками преступления, когда причастные к делу лица договариваются между собой о том, какие будут давать показания в случае их задержания, ареста, вызова на допрос и т. п. Так, при расследовании групповых преступлений адвокату обычно противостоят несколько лиц, которые по той или иной причине конфликтуют между собой. В таких случаях каждый из них, пытаясь смягчить свою вину или избежать ответственности, оговаривает других соучастников, в том числе и подзащитного; нередко тот берет на себя всю ответственность за совершенное, стараясь выгородить остальных (самооговор), оставаясь при этом в противоборстве со следствием. Защита в таких случаях бывает очень трудной.

Распространен и такой способ, как подговор соучастниками свидетелей или потерпевших. Адвокату и обвиняемому могут противостоять уже несколько лиц, которые сначала конфликтовали, а затем, заключив постоянное или временное соглашение, вступили в противоборство и со следователем, и с защитой. В некоторых случаях свидетели могут находиться в родственных или личных отношениях с одним из обвиняемых и потому давать нужные для последнего показания. В других ситуациях они дают ложные показания в результате угроз со стороны обвиняемого, его родственников и близких. Встречаются также случаи прямого подкупа подельщиками свидетелей и потерпевших.

Инсценировка места происшествия заинтересованными лицами также препятствует защите. Она предполагает внесение в обстановку места происшествия изменений, искажающих подлинную картину события, с тем, чтобы при осмотре места происшествия были зафиксированы обстоятельства, указывающие на обвиняемого (так называемая подставка обвиняемого), и пр.

Следует указать и на совершение действий, направляющих защиту по ложному пути. К таким действиям можно отнести и инсценировку преступления, и такие действия виновного и заинтересованных лиц, как обращение к органам власти с различными заявлениями и т. д.

Перепрятывание и сокрытие ценностей соучастниками осуществляется с целью избежания наложения ареста на имущество и сохранения ценностей, нажитых преступным путем. В таком случае возмещение материального вреда остается за подзащитным. Приобретенные преступным путем вещи оформляются соучастниками на имя их родственников, знакомых; ими устраиваются тайники; деньги и ценности передаются на время следствия родным и близким. Подзащитный же с его имуществом остается в центре внимания следствия.

Необходимо подчеркнуть, что противодействию защите способствует и утечка информации о ходе предварительного следствия, в связи с чем адвокату приходится остро ставить вопрос о необходимости сохранения следственной тайны. Преждевременная огласка доказательственного материала может помешать самому адвокату или поставит под удар обвиняемого⁹.

Таким образом, под противодействием защите следует понимать активную деятельность лиц, совершивших преступление (кроме обвиняемого), и других заинтересованных в неудаче защиты людей, осуществляемую ими в условиях специально созданной ситуации и направленную на воспрепятствование работе адвоката в целях уклонения от ответственности либо смягчения наказания за совершенное ими преступление.

⁹ Саркисянц Г. П. Участие защитника в уголовном процессе; Автореф. докт. дис. М., 1967. С. 40.

Взаимодействие адвоката с обвиняемым — это основанное на законе сотрудничество не подчиненных друг другу лиц, при котором они действуют согласованно, правильно сочетая применяемые средства и способы.

Взаимодействие включает в себя: решение адвоката о совместной деятельности с обвиняемым; поведение последнего по исполнению решения адвоката; их общую процессуальную деятельность, связанную с оценкой доказательственной и оперативной информации по делу.

По своему содержанию взаимодействие адвоката с подзащитным — это целостная комплексная система, характеризующаяся внутренней упорядоченностью деятельности каждого исполнителя. Следовательно, взаимодействие нельзя отождествлять только с решением адвоката или желанием обвиняемого.

Взаимодействие этих субъектов, осуществляющих уголовно-процессуальную и внепроцессуальную деятельность, направлено на обмен и получение доказательственной и ориентирующей информации, необходимой для достоверного установления защитительных фактов.

В процессе совместной деятельности адвоката и обвиняемого возникают ситуации, требующие осуществления конкретных форм взаимодействия. Целесообразность и эффективность таких форм взаимодействия обусловлены процессуальными ситуациями, складывающимися на определенном этапе расследования или рассмотрения уголовного дела, и направлены на установление защитительных фактов.

Адвокат взаимодействует с подзащитным в двух аспектах. С одной стороны, взаимодействие это направлено на процессуальное установление фактов, входящих в предмет доказывания, что позволяет адвокату наметить версии, эффективно применять тактические приемы, отвечающие социально-психологической характеристике личности обвиняемого (подозреваемого). А с другой, — их взаимодействие может иметь своей целью установление только обстоятельств защитительного свойства. При этом оба они могут применять как процессуальные, так и внепроцессуальные формы контактов.

Процессуальные условия взаимодействия адвоката с обвиняемым — это требования, которые предъявляются законом к этой деятельности. В их числе: законность, обоснованность и целесообразность решений адвоката о взаимодействии; законность поведения обвиняемого по выполнению этого решения адвоката; законность деятельности адвоката по включению результатов такого взаимодействия в общую систему защитительных доказательств по уголовному делу. И в каждом конкретном случае это взаимодействие обуславливается предписанием закона.

Дж. Х. ХАМИДОВ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

С обретением Республикой Узбекистан подлинной независимости, в условиях широкомасштабного реформирования всех сфер жизни нашей страны, формирования рыночных отношений, строительства правового демократического государства и гражданского общества особую актуальность приобрели проблемы всемерного укрепления законности и правопорядка как одного из важнейших условий успешного решения поставленных задач и достижения намеченных целей.

Принятая 7 декабря 1992 г. Конституция Республики Узбекистан провозгласила верховенство Закона (ст. 15); обязанность всех граждан соблюдать конституционные нормы и законы (ст. 47) как неременную основу успеха всей деятельности государства, обеспечения прав и законных интересов каждого человека и благополучия нашего общества в целом (ст.ст. 13, 14).

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов неоднократно указывал, что достижение великого будущего нашей страны и ее народа требует, помимо всего прочего, надежных правовых гарантий¹.

При этом особое значение придается надежной защите прав и законных интересов каждого гражданина, его жизни, здоровья, чести, достоинства, имущества, что прямо вытекает из конституционного принципа, гласящего, что в нашем обществе «высшей ценностью является человек» (ст. 13). Основной Закон республики провозглашает личную неприкосновенность каждого гражданина (ст. 25), неприкосновенность его жилища (ст. 27), а посягательства на жизнь человека объявляется «тягчайшим преступлением» (ст. 24).

Вот почему новое наше уголовное законодательство, как это указано в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (принят 22 сентября 1994 г.), в первую очередь предусматривает защиту от преступных посягательств личности, ее прав, свобод, интересов, имущества. И именно потому Особенная часть УК РУз начинается с раздела «Преступления против личности» (ст.ст. 97—149).

Большое место в Уголовном кодексе уделено ответственности за корыстные преступления против личности. При этом закон подчеркивает, что совершение преступлений из корыстных или иных низменных побуждений считается обстоятельством, отягчающим наказание (п. «к» ст. 56). К числу таких отягчающих обстоятельств УК относит, например, умышленное убийство, совершенное из корыстных побуждений (п. «и» ст. 97); умышленное тяжкое телесное повреждение, причиненной из корыстных побуждений (п. «д» ст. 104), равно как и умышленное телесное повреждение средней тяжести, обусловленное корыстными побуждениями (п. «е» ст. 105); изъятие органов или тканей умершего человека (в целях их трансплантации и т. п.), совершенное из корыстных или иных низменных побуждений (п. «а» ст. 133); похищение человека из корыстных или иных низменных побуждений (п. «б» ч. 1 ст. 137); клевету, совершенную из корыстных или иных низменных побуждений (п. «г» ч. 3 ст. 139) и др. (см., напр., ст. 125-п. «б»).

Таким образом, корыстные мотивы, побудившие то или иное лицо совершить преступное деяние, закон, как видим, относит прямо к числу обстоятельств, отягчающих ответственность, и уже этот факт свидетельствует о стремлении нашего государства, его законов к защите личности от любых преступлений, совершаемых по корыстным мотивам.

Мы полагаем также, что корыстными можно, в сущности, считать и такие предусмотренные УК преступные деяния, как уклонение от содержания несовершеннолетних или нетрудоспособных (ст. 122) и уклонение от содержания родителей (ст. 123), ибо неуплата соответствующих средств, подлежащих взысканию по решению суда, как показывает практика расследования таких дел, как правило, обуславливается явно корыстными мотивами.

К числу корыстных преступлений относится и вербовка людей для эксплуатации (сексуальной или иной), тем более, если она совершается с целью вывоза этих лиц за пределы Узбекистана (ст. 135 УК).

¹ См., напр.: Каримов И. А. Правовая гарантия нашего великого будущего. Ташкент, 1993.

Это вытекает из смысла самого понятия «корыстные побуждения», которое законодатель разъясняет как «мотив, характеризующийся стремлением извлечь из совершенного преступления материальную или иную выгоду имущественного характера, либо с намерением избавиться от материальных затрат»².

В качестве примера можно назвать здесь, скажем, организацию или содержание притонов для азартных игр (ст. 278), которые нередко, как известно, связаны с совершением явно корыстных преступлений против личности. Из корыстных побуждений могут совершаться также ложный донос (см. п. «б» ч. 2 ст. 237. УК) или лжесвидетельство (ст. 238).

Корыстные преступления против личности могут носить, что видно из материалов следственно-судебной практики, как насильственный, так и ненасильственный характер.

К числу первых относятся: умышленное убийство (ст. 97); умышленные тяжкое (ст. 104), средней тяжести (ст. 105) или легкое (ст. 109) телесное повреждение; истязание (ст. 110); угроза убийством или применением насилия (ст. 112); доведение до самоубийства (ст. 103); похищение человека (ст. 137); насильственное незаконное лишение свободы (ст. 138) в целях вымогательства определенных материальных ценностей или денег; разбой (ст. 164); грабеж (ст. 166); вымогательство (ст. 165), включая рэкет; терроризм (ст. 155).

К числу корыстных преступлений против личности, не связанных, как правило, с действиями насильственного характера, относятся: преступный аборт (ст. 114); уклонение от содержания несовершеннолетних или нетрудоспособных (ст. 122) либо родителей (ст. 123); умышленный подмен ребенка (ст. 124); разглашение тайны усыновления (ст. 125); склонение несовершеннолетнего к попрошайничеству (ст. 127); содержание притонов или сводничество (ст. 131); изъятие у трупа, на могиле или в захоронении предметов, имеющих материальную ценность (ст. 134); вербовка людей путем их обмана (ст. 135); клевета (ст. 139); хищение (ст. 167); мошенничество (ст. 168); кража (ст. 169); причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 170); нарушение правил информатизации (ст. 174); сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 176); обман покупателей или заказчиков (ст. 187); дискредитация конкурента (ст. 192); злоупотребление властью или должностными полномочиями (ст. 205); превышение их (ст. 206); получение взятки (ст. 210) или посредничество во взяточничестве (ст. 212); вымогательство вознаграждения (ст. 214); незаконное распоряжение имуществом, подвергнутым аресту (ст. 233); ложный донос (ст. 237); угон транспортного средства (ст. 267); организация или содержание притонов для азартных игр (ст. 278).

Все эти действия, в том числе и ненасильственные, носят, как правило, явно выраженный корыстный характер и наносят или могут нанести материальный ущерб лицам, в отношении которых они применяются, причем этот ущерб может носить значительный (в пределах 10—30 минимальных размеров заработной платы), крупный (30—100 минимальных размеров зарплаты) и даже особо крупный размер (т. е. ущерб, равный и превышающий 100 минимальных сумм месячной заработной платы). Они особенно опасны, если совершаются насильственно, группой преступников, тем более особо опасных рецидивистов.

Уголовный кодекс дает четкое определение самого понятия «преступление», ответственности за его совершение и оснований этой ответственности.

² Уголовный Кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 1998. С. 316.

Как сказано в ст. 14 УК, преступлением признается виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой применения наказания.

Общественно опасным признается деяние, которое причиняет или создает реальную угрозу причинения ущерба объектам, охраняемым настоящим Кодексом.

Как видно из норм данного Кодекса, к числу таких объектов относятся, в первую очередь, права, свободы, законные интересы, жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество граждан. Совершение таких преступлений, которые причинят или могут причинить реальный ущерб этим объектам, влечет за собой предусмотренную законом ответственность. Согласно ст. 16 УК, ответственность за преступление есть правовое последствие совершения общественно опасного деяния, выражающееся в определении, применении наказания или иных мер правового воздействия судом к лицу, виновному в совершении преступления.

Основанием же ответственности, как гласит ч. 2 ст. 16, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

В статьях Особенной части УК дается конкретное определение сущности, состава различных видов преступлений.

Например, в ст. 164 дается следующее определение разбоя: это нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Согласно ст. 166, грабеж — это открытое хищение чужого имущества. Кража, по ст. 169, — это тайное хищение чужого имущества. Мошенничество — это завладение чужим имуществом или правом на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 168) и т. д.

Многие преступления квалифицируются Законом по различным признакам, т. е. по обстоятельствам, отягчающим ответственность за их совершение, и соответственно предусматривается более суровое наказание. Скажем, согласно ст. 166, грабеж «неквалифицированный» наказывается исправительными работами до трех лет либо лишением свободы до трех лет с конфискацией имущества или без таковой.

Если же грабеж совершен:

- а) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;
- б) в значительном размере;
- в) по предварительному сговору группой лиц, то он наказывается лишением свободы от трех до пяти лет с конфискацией имущества.

Грабеж, совершенный:

- а) повторно или опасным рецидивистом;
- б) с противоправным проникновением в жилище, хранилище или иное помещение;
- в) в крупном размере, — наказывается лишением свободы от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

Если же грабеж совершен:

- а) в особо крупном размере;
- б) особо опасным рецидивистом;
- в) организованной группой или в ее интересах, — он наказывается лишением свободы от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Вымогательство, мошенничество, кража, в зависимости от конкретных обстоятельств, также могут повлечь за собой лишение свободы сроком вплоть до пятнадцати лет с конфискацией имущества (ст.ст. 165, 168, 169), а разбой — даже до двадцати лет и опять-таки с конфискацией имущества (ст. 164).

Из этих и многих других норм УК ясно видно, что Закон нацелен на всемерную защиту материальных интересов граждан, предусматривая весьма суровую ответственность за корыстные преступления против личности, особенно если они носят насильственный характер.

Уже отсюда ясно, что правильно, широко поставленная правовая пропаганда, особенно среди молодежи, несовершеннолетних, может иметь существенное значение в плане профилактики преступлений, в данном случае совершаемых в корыстных целях.

Но пока что статистические данные прокуратуры, следственных и судебных органов республики говорят о том, что, к сожалению, у нас еще имеет место немало всякого рода преступлений, совершаемых по корыстным мотивам, причем есть и случаи убийства людей, причинения им увечий, тяжких телесных повреждений и т. п. Разбой, грабежи и иные насильственно совершаемые корыстные преступления могут сопровождаться изнасилованием, поджогами жилья и т. д.

Все это делает такого рода преступления еще более общественно опасными. И наши правоохранительные, правоприменительные органы ведут решительную борьбу с этими, равно как и иными преступными деяниями, применяя при этом нормы уголовного законодательства, указанные в упомянутых выше статьях Уголовного кодекса.

Вот лишь несколько примеров из следственно-судебной практики последних лет.

Вечером 6 апреля 2000 г. Я. в нетрезвом состоянии совершил кражу — похитил электросчетчик в подъезде одного дома на 21-м квартале массива Чиланзар у гр-ки Б. Она, заметив кражу, пыталась задержать похитителя, но он убежал. Вскоре, однако, он был задержан работниками милиции Акмал-Икрамовского района г. Ташкента и после проведенного дознания и предварительного следствия предстал перед судом. Дело было рассмотрено 31 мая 2000 г. судом Акмал-Икрамовского района г. Ташкента. Суд учел все обстоятельства дела, в том числе полное признание Я. своей вины и его чистосердечное раскаяние, как обстоятельства смягчающие, и его состояние в нетрезвом виде, а также то, что он нигде не работает, не имеет постоянного места жительства и уже дважды был судим (в 1984 г. по ст. 104 УК РУз и в 1997 г. по ст.ст. 166 ч. 1, 169 ч. 3 п. «а», 59 УК РУз), — как обстоятельства, отягчающие, приговорил Я. к 7 годам лишения свободы (с пребыванием в колонии строгого режима) с конфискацией личного имущества, назначением принудительного лечения от алкоголизма³.

В ночь на 19 марта 2000 г. С. в нетрезвом состоянии, разбив окно частного хлебного магазина на 12-м квартале массива Чиланзар, проник в помещение этой торговой точки и похитил там разных продуктов (несколько пачек масла, маргарина, колбасу и др.), причинив ущерб владельцу магазина З. на общую сумму (с учетом разбитой витрины) 9345 сум. Но когда он хотел скрыться с места преступления, был задержан с поличным работниками милиции.

Дело С. было рассмотрено 16 мая 2000 г. судом Акмал-Икрамовского района. Суд учел все обстоятельства этой кражи, совершенной С. с проникновением в помещение (магазин), принял во внимание и смягчающие (полное признание С. своей вины и его чистосердечное раскаяние, а также частичное возмещение нанесенного им гр-ну З. материального ущерба), и отягчающие (наличие 5 судимостей, состояние в нетрезвом виде) обстоятельства и, признав С. особо опасным рецидивистом, приговорил его к 7 годам лишения свободы (с отбыванием

³ Из материалов текущего архива суда Акмал-Икрамовского района г. Ташкента за 2000 г.

наказания в колонии особого режима) с конфискацией его личного имущества и взысканием в пользу потерпевшего З., в порядке полного возмещения нанесенного ему ущерба, 7215 сум⁴.

26 июня 2000 г. суд того же Акмал-Икрамовского района рассмотрел уголовное дело П., который в нетрезвом виде, будучи в квартире его знакомой Б., также находившейся в состоянии опьянения, пользуясь ее беспомощным состоянием, неожиданно ударил ее по голове фарфоровым чайником, а когда она, окровавленная, упала без сознания, похитил у нее 1500 сум., 50 долл. США, золотую цепочку (на общую сумму около 16 тыс. сум.) и скрылся. О происшествии было сообщено в РУВД указанного района, и вскоре работники милиции задержали П. и провели предварительное следствие, а затем передали дело в суд.

Надо отметить, что, разобравшись во всех обстоятельствах дела, суд Акмал-Икрамовского района признал ошибочной квалификацию органами расследования деяний П. по ч. 3 п. «в» ст. 164 УК РУз — как разбой, совершенный с противоправным проникновением в жилое помещение, поскольку потерпевшая Б. сама пригласила П. к себе домой 9 марта 2000 г., дабы «продлить празднование Дня 8 марта».

Суд квалифицировал действия П. по ч. 2 пп. «а», «б» ст. 164 УК РУз — как разбойное нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с использованием в качестве орудия насилия упомянутого чайника.

Учитывая тяжесть совершенного преступления, размер материального ущерба, нанесенного Б., попытки П. ввести суд в заблуждение, а также нахождение его при совершении преступления в нетрезвом состоянии, суд приговорил П. к 9 годам лишения свободы с конфискацией личного имущества и взысканием в пользу потерпевшей Б., в порядке возмещения нанесенного ей материального ущерба, 15 746 сум.⁵

26 сентября 2000 г. судом Мирабадского района г. Ташкента было рассмотрено уголовное дело Ф. и Б., которые, будучи в состоянии алкогольного опьянения, вступили в преступный сговор на предмет угона автомашины гр-на Я., а затем по пути следования сбили на обочине дороги несовершеннолетнего Х., нанеся ему легкое телесное повреждение. Они попытались скрыться, но были быстро задержаны работниками милиции.

Суд по обстоятельствам дела пришел к выводу о том, что Ф. и Б. совершили угон транспортного средства по предварительному сговору, т. е. тайное хищение чужого имущества в крупном размере, да еще сбили на обочине дороги человека. Было учтено также, что Ф. уже имел 4, а Б. — 3 судимости, оба нигде не работают, преступление совершили в нетрезвом виде.

С учетом всех этих обстоятельств, суд, руководствуясь нормами ст.ст. 267 ч. 2 п. «б», 25-169 ч. 4 п. «а», 59 и 60 (поскольку Ф. находился в розыске ввиду неотбытия им части ранее назначенного ему судом наказания), приговорил Ф. к 10 годам лишения свободы (в колонии строгого режима), а Б. — к 11 годам лишения свободы (тоже в колонии строгого режима), причем обоих — с применением, в виде дополнительного наказания, — конфискации личного имущества. Кроме того, с них было взыскано (в солидарном порядке) 19 300 сум. как возмещение материального ущерба, причиненного их корыстным преступлением гр-ну Я. (ввиду повреждения преступниками его автомобиля)⁶.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Из материалов текущего архива суда Мирабадского района г. Ташкента за 2000 г.

Уже из приведенных фактов наглядно видно, как указанные выше нормы УК РУз, касающиеся корыстных (насильственных и ненасильственных) преступлений против личности, применяются на практике органами дознания, предварительного следствия и суда нашей республики. При этом характерно, что эти преступления нередко выявляются работниками милиции весьма оперативно, буквально «по горячим следам», прямо с поличным. А судебные органы расследуют и разрешают эти уголовные дела без всякой волокиты, в строгом соответствии с законом, исходя из анализа и оценки всей совокупности обстоятельств, имеющих по делу доказательств.

Немаловажно подчеркнуть и то, что к такой мере наказания, как лишение свободы (причем на довольно значительные сроки), обычно присоединяется и такая дополнительная (и весьма серьезная) мера наказания, как конфискация личного имущества преступников, совершающих корыстные преступления против личности. Такая мера, на наш взгляд, имеет и немаловажное превентивное, профилактическое значение, ибо предупреждает лиц, склонных к совершению корыстных (тем более насильственных) преступлений против личности, о том, что за подобного рода деяния их ожидает весьма суровая ответственность. Попутно отметим, что нахождение при совершении таких (и любых иных) преступлений в нетрезвом состоянии не только не смягчает, а напротив, усиливает наказание как отягчающее вину обстоятельство, что полностью отвечает нормам ст.ст. 19 и 56 п. «о» УК РУз. А признание судом действий виновного рецидивом, опасным или особо опасным рецидивом осуществляется согласно положениям ст. 34 («Рецидив преступления») УК РУз.

Конкретных примеров по рассматриваемой теме можно привести еще немало. Они красноречиво говорят о том, что наши правоохранительные и правоприменительные органы, руководствуясь их четко определенными в УК РУз задачами и нормами закона, исходя из принципов законности, справедливости, виновной ответственности, наказания виновных и др., ведут настойчивую, напряженную работу по максимально оперативному выявлению фактов общественно опасных деяний, в том числе корыстных преступлений против личности, возбуждению, тщательному расследованию и разрешению уголовных дел в порядке, установленном нормами уголовно-процессуального закона, применяя к виновным соответствующие виды наказаний, и тем самым защищают жизнь, здоровье, кровные интересы граждан, включая и их имущественные интересы, всемерно содействуют укреплению в Республике Узбекистан режима твердой законности и правопорядка.

Г. А. МУХАМЕДЖАНОВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОДЕЙСТВИИ РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ

В последние десятилетия Япония, крупнейшая после США индустриальная держава мира, в результате быстрого экономического развития заняла одно из ведущих мест в международных экономических отношениях. Население Японии, составляя примерно 2,3% человечества, создает около 16% ВВП, исчисленного по текущим валютным курсам, и 7,7% — по покупательной способности иены. По объему ВВП на душу населения Япония уже превзошла США.

В предыдущие десятилетия ведущей формой внешнеэкономических отношений Японии выступала внешняя торговля. И надо сказать, что

по размерам экспорта Япония уступает лишь США и Германии, на ее долю приходится 9—10% мирового экспорта. При этом за рубежом реализуется 10—13% ее ВВП¹. За последние 50 лет физический объем экспорта Японии увеличился более чем в 70 раз, его темпы вдвое опережали прирост мирового экспорта.

В 80-е годы XX в. произошла переориентация Японии с экспорта товаров на экспорт капитала. Во второй половине 80-х годов она занимала первое место по экспорту прямых капиталовложений, и лишь в начале 90-х годов японские компании в экспорте капитала пропустили вперед американские и французские ТНК.

Экономическое развитие Японии коренным образом изменило характер ее валютного положения. Резкое увеличение положительных сальдо по всем статьям внешних расчетов (с середины 60-х годов) превратило эту страну в один из полюсов притяжения международных платежных средств, что позволило ей войти в число крупнейших кредиторов мира. В настоящее время общая сумма ее зарубежных активов превышает 1 трлн. долл. США.

«Экономическое чудо Японии» — этим термином обозначается рывок в ее экономическом развитии, произошедший в течение 1955—1973 гг., когда среднегодовые темпы ее экономического роста составляли 9,5%. В этот период объем промышленного производства страны вырос в 6,6 раза, а национальный доход на душу населения увеличился более чем в 8 раз и достиг уровня Англии и Италии. В настоящее время Япония играет важную роль в мировой экономике и это позволяет ей оказывать возрастающее содействие в подъеме экономики развивающихся стран. Она стала, так сказать, крупнейшей страной-донором. Так страна, лежавшая в руинах в результате поражения во второй мировой войне, утратившая все свои колонии, потерявшая 25% национального богатства и, как следствие этого, отброшенная на 2—3 десятилетия назад, всего через 10 лет после войны не только возродилась, но и окрепла настолько, что могла уже помогать другим странам в развитии их экономики. Добиться этого ей удалось не в последнюю очередь благодаря широкомасштабной зарубежной помощи, основным источником которой были США и Всемирный банк.

В 1945—1953 гг. американская помощь предоставлялась главным образом через специальные фонды, образованные в рамках разработанной программы помощи и восстановления экономики территорий, оккупированных войсками США, фонды GARIOA—EROA. На средства из этих фондов японское правительство смогло закупить много продовольствия, медикаментов и других товаров первой необходимости, в которых остро нуждалось население, а также некоторые виды промышленного сырья. Всего за 1946—1951 гг. Япония получила по этой линии в виде кредитов огромную, особенно по тем временам, сумму — около 5 млрд. долл.

Начиная с 1953 г. главным каналом, по которому Япония оказывалось экономическое содействие, стал Всемирный банк. За 14 лет (до 1966 г.) с его помощью было реализовано 34 проекта общей стоимостью 860 млн. долл. Благодаря полученным займам Япония построила ставшую знаменитой далеко за ее пределами скоростную железнодорожную магистраль «Синкансэн», современные автомобильные дороги, связавшие крупнейшие промышленные центры — Токио, Нагоя, Кобэ.

¹ В настоящее время ряд отраслей японской промышленности почти полностью работают на экспорт (производство часов, магнитофонов — 90%, кассовых аппаратов — 83%, копировальных машин — 77%). Здесь и далее сведения почерпнуты из материалов, опубликованных МИД Японии.

Были сооружены и другие важные объекты инфраструктуры, например гидротехнический комплекс Куробэ.

Оставаясь получателем зарубежной помощи, Япония со второй половины 50-х годов сама начала оказывать содействие другим развивающимся странам. Первым шагом в этом направлении стало ее подключение в октябре 1954 г. к «плану Колombo» — многостороннему экономическому форуму, учрежденному в 1950 г. в столице Цейлона (Шри-Ланка) с целью обсуждения планов развития экономики и оказания технического и финансового содействия в реализации различных проектов в Южной и Юго-Восточной Азии. Инициаторами его создания выступили Великобритания и ряд государств Британского Содружества. Именно в рамках этого форума в 1955 г. Япония внесла в фонд технического содействия свой первый вклад — 100 тыс. долл.

Незадолго до этого — в ноябре 1954 г. — был подписан мирный договор между Японией и Бирмой. Зафиксированный в нем так называемый «двойной подход» к проблеме возмещения ущерба, который причинила народам Азии японская агрессия, послужил универсальным средством урегулирования данной проблемы с целым рядом государств, в частности с Филиппинами, Вьетнамом. Суть этого подхода состояла в том, что Япония параллельно с выплатой военных репараций оказывала этим странам экономическое содействие. Такой схемы Токио придерживался до середины 1976 г., когда была выплачена последняя часть репараций Филиппинам. В 1958 г. был сделан следующий шаг — заключено соглашение о предоставлении иенового займа Индии.

Начавшийся тогда процесс превращения Японии в «международного финансового донора» проходил достаточно болезненно и сопровождался острыми дебатами. Многие японцы считали непозволительной роскошью помогать другим, когда собственные нужды страны были еще далеко не удовлетворены. Правительство Японии объясняло данный процесс следующими двумя аргументами. Во-первых, содействие процессам государственного строительства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) обеспечивает рост благосостояния всех проживающих там народов. Во-вторых, выплата репараций и оказание экономического содействия другим странам идут на пользу экономике Японии, обеспечивая новые экспортные рынки, и помощь зарубежным государствам — это не просто альтруистический порыв: она выгодна и самой Японии, перед которой открываются новые возможности для сбыта своей промышленной продукции.

В 1964 г. объем экономической помощи Японии другим странам уже составлял 100 млн. долл. В последующий период — к 1976 г., который можно считать своеобразным рубежом, эта сумма выросла в 11 раз.

Изменения произошли не только в количественном, но и в качественном отношении. Осуществлялся переход от предоставления наиболее распространенных, так называемых «связанных» иеновых займов, которые выдавались под конкретные проекты на условиях, предусматривавших закупку в Японии всего необходимого для их реализации, к сотрудничеству более высокого уровня — «несвязанным» займам, что позволяло получателям использовать выделяемые им деньги с наибольшим эффектом. Япония начала также предоставлять краткосрочные товарные кредиты, способствовавшие стабилизации платежного баланса и улучшению экономической ситуации в странах-получателях. Расширялось предоставление займов по двухступенчатой схеме — через финансовые органы этих стран, работающие на нужды их развития, благодаря чему данные органы получили возможность направлять получаемые от Японии средства по своему усмотрению,

В этот же период (1964—1976 гг.) Япония стала практиковать и оказание безвозмездной помощи². Она активно подключилась к реализации специальной программы безвозмездной продовольственной помощи развивающимся странам, которая была разработана в 1968 г. участниками переговоров, проходивших в рамках ГАТТ (так называемый «раунд Кеннеди»). В дальнейшем практика предоставления зарубежным странам помощи на безвозмездной основе распространилась и на ряд других сфер.

В концептуальном плане японское правительство в целом руководствовалось такими принципами, как удовлетворение основных жизненных потребностей населения развивающихся стран региона. А на рубеже 60—70-х годов стала распространяться концепция «взаимозависимости» государств с высокоразвитой экономикой и стран, стоящих на более низкой ступени развития. Ее сторонники доказывали, что благосостояние первых во многом зависит от экономического положения и политической ориентации последних. Поразивший мир в 1973 г. нефтяной кризис подтвердил справедливость этой точки зрения.

В 1977 г. японское правительство переводит свою целенаправленную деятельность по экономическому содействию развивающимся странам на плановую основу: был утвержден рассчитанный на пятилетие план удвоения помощи зарубежным странам. Через год последовало принятие первой среднесрочной целевой программы, которой на реализацию указанного плана отводилось не пять, а всего три года. С тех пор было выполнено пять таких программ. Во многом именно благодаря плановому подходу объем японского содействия зарубежным странам стал быстро увеличиваться. В 1977 г. он составил 1,5 млрд. долл., а в 1988 г. — уже 9 млрд. долл. Большое внимание уделялось наращиванию безвозмездной помощи, которая распространялась на все новые области — культуру (программа 1975 г.), ликвидацию стихийных бедствий (1976 г.), увеличение производства продовольствия (1977 г.) и т. д.

Если на начальном этапе Япония адресовала экономическую помощь исключительно азиатским странам, то в конце 70—80-е годы круг ее получателей расширился, и в него были включены не только государства Среднего и Ближнего Востока, но и Африки, Центральной и Южной Америки, Океании. Если в 1970 г. на долю Азии приходилось 98% всей японской помощи, то через пять лет этот показатель снизился до 75%, в 1980 г. он составил 71%, а в 1985 г. — 68%.

Спад, наступивший в мировой экономике вследствие нефтяного шока 1973 г., тяжело отразился на положении развивающихся стран. Особенно остро встала проблема их внешних долгов. Один из путей ее решения США, Япония и другие государства усмотрели в том, чтобы наладить приток капитала в национальную экономику этих стран.

² Безвозмездная помощь являет собой финансовое сотрудничество с развивающимися странами в целях снабжения их продукцией и услугами, необходимыми для осуществления проектов экономического и социального развития. Главные объекты безвозмездной помощи — проекты в области обеспечения насущных потребностей человека (BHN : Basic Human Needs) и проявление глобальной инициативы (GIL : Global Issues Initiatives, как, например, ограничение рождаемости, распространение СПИДА/AIDS), которые в основном считаются неприбыльными и неподходящими для кредита. Эти области охватывают проекты в основном по здравоохранению, безопасному водоснабжению, медицинскому оборудованию, учебным заведениям, развитию сельских местностей и сельского хозяйства, развитию людских ресурсов, в том числе проекты WID (Женщины в развитии). Японская безвозмездная помощь осуществляется за счет государственного бюджета, денежные ресурсы которого взимаются от налогоплательщиков страны, следовательно, необходимы их понимание и поддержка. См.: МИД Японии. Безвозмездная помощь Японии//Информационный бюллетень. Токио, 1998.

В связи с этим в 1987 г. был создан новый механизм для решения проблемы накопившейся задолженности развивающихся стран.

Вместе с тем продолжал повышаться удельный вес помощи, направлявшейся на удовлетворение основных, жизненных потребностей населения: в 1977 г. он составил 13%, в 1978 г. — 23,2%, в 1979 г. — 30,3% и т. д. Однако правительство Японии пришло к убеждению, что, обеспечивая минимально необходимые потребности населения стран «третьего мира» за счет периодических финансовых вливаний, невозможно в принципе решить проблему повышения уровня его жизни. Значительно более эффективным представлялся путь стимулирования собственных усилий этих народов. Эта концепция, получившая в Японии название «Воспитание человека», предусматривала существенное увеличение технического содействия в общем объеме помощи упомянутым странам. В 1974 г. доля такого содействия составляла 5,6%, в 1975 г. — 7,6%, а в 1977 г. — уже 10,4%.

В 1989 г. Япония вышла на первое место в мире по объему помощи развивающимся странам: им было выделено 8,5 млрд. долл. Уступив в 1990 г. первенство США, Япония на следующий год вернулась на лидирующие позиции и стала расходовать по статье «Официальное содействие развитию» (ODA — Official development assistance) свыше 10 млрд. долл. ежегодно.

Обращает на себя внимание высокая доля «несвязанной» помощи Японии в общем ее объеме: в 1991 г. она составила 83,3% — выше, чем у США, Германии и Франции. Япония занимает по этому показателю 4-е место среди стран — членов Комитета содействия развитию (КСР), который функционирует в рамках Организации экономического сотрудничества и развития.

В июне 1992 г. японское правительство утвердило базовую концепцию ODA, включающую следующие положения: 1) учет гуманитарного фактора; 2) признание принципа взаимозависимости; 3) сохранение окружающей среды; 4) содействие преодолению имеющихся трудностей собственными силами.

Одновременно были приняты четыре основных принципа ODA:

1. Содействовать экономическому развитию только с обязательным учетом требования охраны окружающей среды.

2. Не использовать ODA в военных целях или в целях разжигания международных конфликтов.

3. Наблюдать за разработкой и производством оружия массового поражения и ракетных вооружений странами — получателями помощи, а также за экспортом и импортом вооружений с целью сохранения и упрочения международного мира и стабильности.

4. Учитывать в полной мере усилия по продвижению процессов демократизации и внедрения рыночно ориентированной экономики, а также контролировать соблюдение основных прав и свобод человека в государствах — получателях помощи.

ODA Японии складывается из двух потоков: помощи на двусторонней основе, осуществляемой главным образом в виде займов, грантов (безвозмездной помощи) и технического содействия, а также помощи, которая предоставляется через различные международные организации. По двусторонней схеме проходит примерно 70% всего объема содействия Японии зарубежным странам (из них около 30% приходится на займы, менее 20% — на гранты и более 20% — на техническую помощь). Остальная часть направляется международным организациям.

Главными получателями японской помощи, естественно, продолжают оставаться страны Азии — в 1993 г. они получили свыше 4,8 млрд. долл. (займы — 2,8 млрд. долл., гранты — 0,9, техническое содейст-

вие — 1,1 млрд. долл.). Далее следуют Африка — 0,97 млрд. долл., Латинская Америка — 0,74, Ближний Восток — 0,52 и Океания — 0,14 млрд. долл.

Как отмечалось выше, Япония уже несколько лет подряд является крупнейшим в мире «финансовым донором» развивающихся стран. В 1993 г. им было выделено 11,26 млрд. долл. А как обстоит дело с качеством? Иными словами, какую оценку можно дать нынешней структуре содействия Японии зарубежным странам? Приходится признать, что у Японии доля так называемой «грантовой помощи» (к ней относятся сами гранты, средства, выделяемые на оказание технического содействия, и средства, поступающие странам-реципиентам через международные организации) в общем объеме ее помощи другим странам еще значительно уступает показателям стран-членов Комитета содействия развитию. Она составляет 47,8% (у стран КСР в среднем — 77,5%).

Кроме того, Япония оказывает содействие зарубежным странам на более жестких, по сравнению с другими развитыми государствами, условиях — под более высокие проценты и на менее продолжительный срок, если речь идет о займах, доля которых в общем объеме японской помощи до сих пор очень значительна.

Однако было бы неверно думать, что, предоставляя займы, Япония преследует корыстные цели, рассчитывая на получение по ним процентов. На самом деле сохраняющаяся приверженность этому виду финансовой поддержки связана с той концепцией, которой руководствуются японцы, помогая другим странам. Суть ее такова: люди должны собственными силами обустроить свою страну. Для облегчения этой задачи им дается возможность брать деньги в займы, эффективно использовать их на благо национальной экономики и затем расплачиваться с долгами. Средства, которые выделяет Япония, — это не подачка, а реальная поддержка практических дел, направленных на повышение уровня развития стран.

Уступая партнерам по КСР в размерах «грантового коэффициента», Япония тем не менее опережает большинство из них по абсолютным размерам безвозмездной помощи. В 1993 г., например, сумма выделенной ею только «грантовой помощи» превосходила общий объем зарубежной помощи таких стран, как Германия, Великобритания, Италия.

По итогам 1999 г. Япония в восьмой раз подряд стала крупнейшей в мире страной-кредитором (за ней следуют США, Франция, Германия и Великобритания). Согласно данным японского МИД, в 2000 г. Япония выдала 10,78 млрд. долл. кредитов, — на 14,2% больше, чем в 1998 г. Эта сумма соответствует 0,28% национального ВВП в 2000 г. Значительная часть ее была предоставлена на преодоление кризиса в соседних азиатских государствах, которые в 1998 г. получили от Японии 5,28 млрд. долл. в форме льготных кредитов и прямой экономической помощи, что на 72% больше, чем в 1997 г. В Африку было вложено 954 млн. долл., что на 19% превышает уровень 1997 г. Размеры экономической помощи, оказываемой Японией Латинской Америке и Ближнему Востоку, наоборот, снизились.

В заключение попытаемся определить, решению каких задач за рубежом в ближайшем будущем будет оказывать содействие Япония.

Наряду с экологическими проблемами, к так называемым «глобальным вызовам» следует отнести рост народонаселения земного шара, которое с нынешних 6 млрд. человек к 2050 г. увеличится до 10 млрд., а также проблему СПИДа. Именно на этих трех ключевых направлениях: экология, народонаселение и СПИД — и будет, в пер-

вую очередь, сосредоточено внимание Японии при принятии конкретных решений, связанных с содействием развивающимся странам.

Не останутся без внимания и такие важные задачи, как повышение роли женщин в процессах развития и улучшения условий их жизни. В соответствии с рекомендациями, выработанными Японским агентством по международному сотрудничеству и Фондом зарубежного экономического сотрудничества, Япония намеревается активно поддерживать создание в разных странах специальных рекреационно-учебных центров, деятельность которых будет направлена на привлечение женщин к участию в общественной жизни и обеспечение роста их благосостояния. В числе других проектов, стоящих в повестке дня,— охрана материнства и детства, планирование семьи, ликвидация неграмотности среди женщин и т. д.

Таким образом, Япония и впредь намерена оказывать действенную помощь развивающимся странам в решении их актуальнейших проблем.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАШКЕНТА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Изучение истории городов Узбекистана является одной из главных проблем, стоящих перед историками республики. В условиях независимости Узбекистана наши историки получили возможность по-новому взглянуть на историческое прошлое Родины, по-новому оценить известные факты, которые ранее зачастую преподносились нам в извращенном виде. Это касается и истории столицы Республики Узбекистан — Ташкента.

На протяжении многих веков Ташкент занимал особое место в политической, социально-экономической, культурно-духовной жизни народов Средней Азии. Президент И. А. Каримов на встрече с избирателями Ташкента отмечал, что «Ташкент украшают древние части нашего города, то есть махалля, древние ворота. Старый город — это символ древности, национальности. Каждое название этих мест — это отрывок нашей истории и мы принимаем это как наследие от наших отцов и дедов. Мы должны быть верными нашим историческим ценностям, которые обогащают нашу жизнь, наполняют ее смыслом и содержанием, должны ценить их и донести до будущих поколений»¹.

Без изучения социально-экономической истории Ташкента второй половины XIX — начала XX в. нельзя воссоздать целостную картину нашего региона того времени.

В середине XIX в. Ташкент был крупнейшим центром внутренней, внешней и транзитной торговли края. Особенно большую роль играл он в качестве узла караванных путей, связывавших среднеазиатские ханства с Казахской степью, Россией и Западным Китаем. Во второй половине XIX в. усилились торговые связи Ташкента с Россией, что способствовало быстрому росту города и подъему его экономики. К середине XIX в. Ташкент был одним из важнейших культурных и ремесленных центров всей Средней Азии. К тому времени в городе было 50 000 жителей, 270 махаллей, 310 мечетей, 17 медресе, 11 бань, 15 сараев с лавками².

Ташкент был центром местного ремесленного производства всей Сырдарьинской области, и его изделия расходились далеко за ее пределы, удовлетворяя потребности коренного населения. Наиболее развиты были кожевенное, седельное, ткацкое производство и т. д.³

Ташкент тех лет был окружен высокими стенами, которые были сложены из глины, имели широкое основание и суживались кверху. Под стенами шел широкий и глубокий ров, на дне которого иногда, где позволяли условия, текла вода. В город вело 12 больших и 3 малых ворот. Большие ворота служили для пропуска арб, а малые едва пропускали всадника. Большие ворота носили названия: Кокандские, Кашгарские, Лабзакские, Тахтапульские, Карасарайские, Сагбанские, Чигатайские, Кукчинские, Самаркандские, Камеланские, Бешагачские, Коймасские, а малые — Тешиккопка, Янги-махалля и Сарбазские (Урда). Стены Ташкента достигали около 24 верст в окружности⁴.

Основными занятиями жителей города в середине XIX в. были многие виды ремесла, торговля и земледелие. Все жители, занимавшиеся одним видом промысла, жили в определенных махаллях или частях города. Так, по сведениям организационной комиссии (1868), жители махаллей Ахунгузар, Парчабоб и Джангох занимались торговлей и различными ремеслами; жители Тахтапуля, Себзара, Лабзака, Чувалачи, Карасарая и Яу были по преимуществу земледельцами⁵; в Шейхантаурской части в основном проживали литейщики, седельщики, ткачи, маслобой; в Себзарской — кра-

¹ Вечерний Ташкент. 2000. 7 янв.

² Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве // Вестник Российского Географического Общества. Т. XVIII. Кн. 5. СПб., 1856. С. 111.

³ Зыкин В. Восстание в Ташкенте в 1892 году. М.; Т., 1932. С. 6.

⁴ Очерки истории Ташкента // Биография М. Г. Черняева. Ташкент, 1915 (?). С. 5.

⁵ ЦГИА РУз, ф. 450, оп. 1, д. 7, л. 2—3; д. 449, л. 43—46; д. 482, л. 2—7.

сильщики, ткачи, сапожники, гуртовщики; в Кукчинской — кожевники, сапожники; на окраинах Бешагачской части — кирпичники и др.⁶

Простой народ жил бедно, часто довольствовался очень немногим и даже не всегда находил себе достаточных занятий внутри города. Многие жители занимались сельским хозяйством: садоводством, виноградарством, выращиванием хлебных культур. Характерно, что даже в черте города имелось не только сады, но и пашни, а с трех сторон город был окружен садами, тянувшимися на 2—3 и даже 5 верст⁷.

Вообще города Средней Азии к середине XIX в. еще не до конца отделились от сельского хозяйства. Так было и в Ташкенте. Но с 90-х годов XIX в. и особенно в начале XX в., с развитием товарно-денежных отношений, постройкой железных дорог, ростом хлопководства в крае, увеличением населения и т. д. в пределах Ташкента наблюдается уменьшение посевных площадей, поголовья скота и вместе с тем расширение торговли продуктами сельского хозяйства и скотоводства.

Данные архивных материалов позволяют нам утверждать, что до середины 60-х годов XIX в. в Ташкенте и за его пределами имелись так называемые общественные земельные участки, принадлежавшие жителям отдельных кварталов (например, в местностях Чартаг, Канли, Чалы, Канкус, по верховьям Бозсу и Чирчика, по Карасу, Тюрк-Арыку, Бушгену).

По данным организационной комиссии (1868), территория Кукчинской части города составляла примерно 50 верст в окружности⁸. Сел. Куйлюк (10 дворов), Ха-набад (15), Ногай-Курган (25), Шаштюба (12), Зенги-Ата (300) и Нишбаш (30 дворов) были окружены земельными (вполне возможно, общественными) участками жителей Бешагачской части города⁹.

В 1879 г. начальник города в ответ на запрос городской управы подтвердил, что «прежде, до вхождения Ташкента в состав России, все пахотные земли были чаковыс», т. е. жеребьевые¹⁰.

Последний передел общественных земель, принадлежавших жителям Ташкента, был произведен, по данным начальника города, за несколько лет до вхождения Ташкента в состав России, а с тех пор «у каждого на руках остался доставшийся ему участок на правах полной собственности»¹¹.

Орошение ташкентских земель производилось главным образом системой арыка Бозсу, берущей начало из р. Чирчик, и очень незначительную долю в северной части этой территории орошали воды арыка Зах. Арык Бозсу орошал земли г. Ташкента посредством 9 отводных арыков, а именно: 1) Карасу, 2) Йвиш, 3) Ялангач, 4) Кангарак, 5) Дарвазакент, 6) Салар, 7) Гадроган, 8) Ангар и 9) Кайкауз, имевших каждый, в свою очередь, массу мелких отводов¹².

Вся орошаемая территория Ташкента делилась тогда на 4 района, управляемых арык-аксакалами, которые носили название по имени наиболее крупной системы из тех, которые находились в их ведении, а именно: 1) «Саларский», 2) «Карасуйский»; 3) «Анхорский», 4) «Кайкаузский». Общее наблюдение за ирригацией города, а также производство работ по обеспечению поступления воды в голову ар. Бозсу были поручены заведующему ирригацией г. Ташкента¹³.

Н. Г. Маллицкий отмечал, что, «кроме махалля, существуют еще «мауза», т. е. урочища, или местности. Так, назывались загородные местности с частновладельческими, принадлежавшими горожанам участками, которые находились под полевыми или садовыми культурами и носили название «баг», т. е. сады или дачи. Горожане переселялись туда на летнее время. Есть основания думать, что в старину эти места, хотя бы отчасти, находились в общем пользовании жителей отдельных кварталов; иногда они и называются по имени соответствующих кварталов (Чувалачи, Явиарык, Хыябан, Тахтапуль). К началу XX в. таких общественных земель не осталось совсем, и даже места, непригодные для земледельческой культуры, а именно камыши, оказались состоящими в частном владении. Клочки общественных, точнее, ничьих земель уцелели лишь кое-где, особенно в Кукчинской части, в виде неорошаемых холмов»¹⁴.

Эти данные характеризуют приблизительный социальный состав жителей «старого города» и их экономическое положение. По переписи 1872 г., в «старом городе» проживало 41 799 человек¹⁵. Из них 6640 занимались земледелием, 3736 были чернорабочими (мардикеры, чарикеры и т. д.). В середине XIX в. рабочий без лошади получал в день от 37 до 50 коп. ассигнациями. Плата за месяц доходила до 8 руб. ассигнациями, а в год — от 5 до 7 тиллей. Поденщиками преимущественно бывали каратегинцы, которые отличались крепостью тела, трудолюбием и скромностью по-

⁶ Очерки истории Ташкента... С. 6—8.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ ЦГИА РУз, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 80.

⁹ Там же, л. 81.

¹⁰ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 1687, л. 2.

¹¹ Там же, л. 3.

¹² Там же, ф. 2231, оп. 1, д. 174, л. 110.

¹³ Там же, л. 110—110 об.

¹⁴ Маллицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза. Ташкент, 1927. С. 4.

¹⁵ ЦГИА РУз, ф. 1, оп. 16, д. 175, л. 1—2.

требностей. Люди эти обыкновенно на один или два года спускались со своих гор и, заработав определенные средства, вновь возвращались к своим семействам¹⁶.

Большой интерес для нас представляют материалы переписи населения г. Ташкента, произведенной в 1872—1874 гг. русскими чиновниками. Правда, перепись эта велась неаккуратно, продолжалась более двух лет и вследствие этого были допущены неточности при подведении ее итогов. К сожалению, полного комплекта тетрадей этой переписи не сохранилось; по Бешагачской части нет ни одной тетради; по Кукчинской — сохранилось 6 тетрадей (№ 1—6), где зарегистрировано 1962 домовладельца; по Себзарской — 5 тетрадей (№ 1—4, 8), где зарегистрировано 3317 домовладельцев; по Шейхантаурской — 4 тетради (№ 2—5), где зарегистрировано 1989 домовладельцев¹⁷.

Тем не менее материалы этой переписи помогут нам в известной степени выявить экономическое положение населения города. Там указаны фамилии и имена домовладельцев, количество семей, число жителей мужского и женского пола, число родившихся и умерших, количество скота, размеры обрабатываемой земли, наличие мастерских и лавок, занятия жителей, их оборотный капитал и сведения о грамотности населения.

Так, в тетрадях по Кукчинской части города зарегистрировано 1962 домовладельца, проживавших в 19 махаллах, в том числе: сапожников — 320, торговцев — 155, земледельцев — 125, арбакешей — 123, мардикеров — 72, нищих — 2. Кроме того, отмечены: маслобойщики, красильщики, медники, менялы, чайханщики, духовные лица и др. Оборотный капитал жителей этой части города составлял в среднем от 30 до 100 руб., но были и такие лица, оборотный капитал которых превышал 1000 руб.¹⁸ (например, только по тетради № 1 таких было 24 домовладельца)¹⁹.

Из материалов переписи видно, что определенная часть жителей Ташкента занималась земледелием: в Кукчинской части — 125 из 1962 домовладельцев, в Себзарской — 141 из 2084, в Шейхантаурской — 132 из 1684²⁰; 125 землевладельцев Кукчинской части обладали 1234,5 танапами земельной площади, 141 в Себзарской части — 1222,5, 132 в Шейхантаурской части — 1929, а всего 398 землевладельцев г. Ташкента имели 4386 танапов земли.

В 1892 г. пахотных земель в городе было всего 462 танапа²¹. С ростом населения город все больше нуждался в привозном хлебе. Так, в 1883 г., хотя урожай был удовлетворительным, он не мог обеспечить потребности населения Ташкента, да еще с располагавшимися в нем войсками. Населению города (81 404 человека обоого пола) требовалось хлеба тогда до 1 953 696 пудов (полагая на каждого человека по 24 пуда в год), на винокурение было употреблено 22 660 пудов, а всего — 1 976 356 пудов. Местный же урожай дал 32 858 пудов, остальное количество хлеба было доставлено на рынки города из ближайших уездов²².

В 1890 г. в Ташкент было доставлено 526 400 пудов хлебного зерна на сумму 318 140 руб., в том числе: пшеницы — 327 000 пудов на 166 000 руб., риса — 87 000 пудов на 66 200 руб., ячменя — 80 000 пудов на 35 150 руб., проса — 9600 пудов на 6090 руб.²³.

Как видим, сами ташкентские жители не могли обеспечить себя продуктами питания в достаточных размерах. К тому же посевы зерновых с развитием хлопководства непрерывно уменьшались. И если в 1872 г. в городе было получено пшеницы 33 000 пудов²⁴, то в 1886 г. — 18 920, а в 1890 г. — 9000 пудов²⁵.

Надо сказать, что Ташкент издавна славился своим хлебным рынком. Здесь продавались продукты не только своего производства, но из ближайших уездов области. К сожалению, статистики по хлеботорговле не велось, и сведения об этой важной отрасли экономической жизни города весьма скудны. Известно, например, что в 1886 г. в городе было продано пшеницы 241 905 пудов на 108 439 руб., крупы рисовой — 97 420 пудов на 75 597 руб., ячменя — 85 740 пудов на 29 729,5 руб., а всего на 213 765, 5 руб.²⁶.

В 1887 г. из Ташкента было вывезено риса 68 820 пудов на 113 360 руб., пшеницы (в зерне) — 1800 пудов на 1760 руб.²⁷, а в 1888 г.: риса — 84 900 пудов на 109 870 руб., пшеницы (в зерне) — 7200 пудов на 6140 руб.²⁸

¹⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. статья. С. 119.

¹⁷ ЦГИА РУз, ф. 36, д. 859—873.

¹⁸ Там же, д. 863—868.

¹⁹ Там же, д. 863, л. 1—24.

²⁰ Там же, д. 859—873.

²¹ Там же, д. 3391, л. 78.

²² Там же, ф. 17, оп. 1, д. 10249, л. 56.

²³ Там же, ф. 269, оп. 1, д. 19, л. 320—321.

²⁴ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 963, л. 101.

²⁵ Там же, ф. 269, оп. 1, д. 19, л. 317—318.

²⁶ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 2819, л. 246.

²⁷ Там же, д. 2956, л. 285.

²⁸ Там же, д. 3085, л. 299.

В 1891 г. цены на продовольственные припасы на ташкентских базарах были следующие (за 1 батман):

пшеницы — 7 руб. 40 коп.— 7 руб. 80 коп.;
 ячменя — 6 руб. 80 коп.— 7 руб. 40 коп.;
 риса — 11 руб. 80 коп.— 15 руб. 50 коп.;
 проса — 4 руб. 80 коп.— 6 руб.;
 маша — 11 руб.;
 джугары — 7 руб. 70 коп.²⁹

С 90-х годов XIX в. в сельском хозяйстве Туркестана, в частности Ташкента, начинают появляться новые сельскохозяйственные орудия. Например, в «Обзоре Сырдарьинской области» за 1893 г. говорилось, что «первобытные орудия земледельческого труда... по-прежнему держатся в хозяйстве узбеков, но, с усилением в области русского населения, европейский плуг начинает постепенно распространяться, и в отчетном году инвентарь хозяев области, как то зарегистрировано торговыми книжками Ташкентского склада земледельческих орудий, увеличился 121 плугом, 24 орудиями, 52 пропашниками, 17 культиваторами, 11 жатвенными машинами, 17 веялками и прочими орудиями европейского типа. Между покупателями все чаще и чаще встречаются крупные ... землевладельцы. С русской машиной также начинает знакомиться сельское население, которое, с понижением пока высокостоящих цен на усовершенствованные орудия, постепенно подготовится к работе более рациональными инструментами»³⁰.

В 1887 г., по данным канцелярии начальника города, в азиатской части Ташкента было 4343 земледельца³¹, а в 1897 г., по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи, в Ташкенте в 23 974 хозяйствах насчитывалось 155 673 жителя, из них 4137 земледельцев³². Итак, жители все еще сохраняли связь с землей, занимаясь земледелием на своих участках как в черте города, так и вне его пределов. Но постепенно происходит сокращение числа земледельцев, площадь посевов уменьшается, а вместе с тем бурно развиваются товарно-денежные отношения.

Одним из важных видов занятий горожан было скотоводство. Об этом свидетельствуют данные табл. 1, составленной по сведениям из тетрадей переписи населения, проведенной в Ташкенте в 1871—1874 гг.³³

Таблица 1

Части города	Лошади	Верблюды	Рогатый скот	Овцы	Козы	Ослы
Шейхантаурская	968	18	2243	529	12	192
Себзарская	1333	73	2539	9740	177	545
Кукчинская	1396	169	2072	1211	25	295
Бешагачская	1006	14	1346	2328	—	199
Итого:	4703	274	8200	13808	214	1231

Как видим, большинство лошадей приходилось на Кукчинскую и Себзарскую части города, а рогатого скота и овец — на Себзарскую часть.

Скотоводство у ташкентских горожан было тогда подсобным занятием, составляя в быту лишь некоторое подспорье земледельческому хозяйству горожан. Но они ухаживали за скотом гораздо лучше, чем кочевое население края. У них лошади и быки имели значение как рабочая сила. Если у кочевого населения скот круглый год оставался на воле, кормился на подножном корму и во время суровых снежных зим часто происходил падеж животных от бескормицы, то у горожан дела обстояли намного лучше. Они заранее готовили на зиму сено и солому (от риса, люцерны и т. д.). Рогатый скот в хозяйстве горожан нужен был не только для потребностей целей, т. е. обеспечения семьи молоком и молочными продуктами (каймак, сливки, айран, сыр, масло и др.), но и для пахоты как основная тягловая сила. Кроме того, волов очень часто употребляли для перевозки тяжелых грузов (в арбах и вьюком), а иногда под верховую езду.

²⁹ Там же, д. 3298, л. 5—8.

³⁰ Обзор Сырдарьинской области за 1893 год. Ташкент, 1894. С. 5.

³¹ ЦГИА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 2956, л. 263.

³² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./Под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. XXXVI: Сырдарьинская обл. СПб., 1905. С. 4—5.

³³ Составлена по данным: ЦГИА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 963, л. 140—146.

Торговля скотом в Ташкенте из года в год расширялась. Если в 1872 г. было продано 163 924 головы на 1 077 950 руб.³⁴, то в 1886 г.— 206 176 голов на 1 792 400 руб.³⁵, а в 1891 г.— 684 960 голов скота на 5 118 300 руб.³⁶

Таким образом, во второй половине XIX в. Ташкент становится крупным центром торговли между южными районами Казахстана и Чирчикской долины, т. е. экономическим центром оазиса и степи. Здесь ярко проявляется тенденция к тому, что степь и оазис составляют единый экономический комплекс. Дальнейшее глубокое изучение архивных и иных материалов позволит, очевидно, открыть новые грани в истории нашего города конца XIX — начала XX в.

М. Шарипова

³⁴ Туркестанский сборник. Т. 81. С. 493. Табл. 15.

³⁵ ЦГИА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 2819, л. 244.

³⁶ Там же, л. 3298, л. 245—246.

К ИСТОРИИ АПТЕЧНОГО ДЕЛА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ВОСТОКЕ

В организации системы обслуживания жителей средневековых городов Востока особое внимание уделялось снабжению населения лекарственными и другими целебными средствами, что входило в обязанность аптекарей (ал-аттар) или «дорусозхо» — фармацевтов. Развитие фармацевтики и фармакопей как важных отраслей лечебной практики способствовало созданию специальных учреждений, организовавших сбор, хранение, обработку и реализацию лекарственных средств. Одним из таких наиболее ранних учреждений на Среднем Востоке явились аптечный сад и аптека при Гундишапурской больнице (V в.)¹. В таких садах разводились многие ароматические растения, как, например, базилик. В аптеках работали опытные фармацевты. Одним из них был Абу Закария ибн Масавайх (VIII—IX вв.), который в течение 30 лет снабжал Гундишапурскую больницу различными лекарственными средствами².

По данным литературы³, при лечебных учреждениях издавна существовали специальные лаборатории (аптеки) по приготовлению лекарств. Такие аптекарские лаборатории имелись в городах древнего и средневекового Ирана, Индии, Китая, Средней Азии. В Китае в конце VI в. была учреждена медицинская школа, при которой функционировала аптека. В ней трудилось большое количество работников: заведующий, ассистенты, фармацевты и дрогисты. При аптеке был разбит сад для выращивания лекарственных трав, где специально обученный персонал был занят сбором лекарственных растений и изготовлением из них различных препаратов. Он состоял из двух сборщиков лекарственных трав; восьми учеников и четырех садоводов-сторожей⁴. В древнем Иране аптеки можно было встретить даже при дворцах некоторых вельмож⁵. Позднее в специальных лабораториях, кроме растительных лекарств, опытным путем получали различные минеральные вещества и лекарственные препараты (жидкой, влажной, сухой консистенции).

В развитии лечебного дела и лекарственной службы большое значение имели такие отрасли науки, как алхимия, фармакология, фармацевтика. Еще в IX в. в некоторых восточных городах производились алхимические вещества, очистка и расфасовка минеральных или серосодержащих и других лекарственных средств, приготовление которых требовало специальных устройств с использованием особого оборудования. Так, на Востоке, впервые были сконструированы и введены в употребление перегонный куб, водная баня и другое оборудование химических лабораторий, практиковались также дистилляция, фильтрация и проч. В частности, ученый алхимик Джабир ибн Хайян (VIII—IX вв.) из Хорасана получал серную и азотную кислоты, нитрат серебра, хлорную ртуть, спирт и др.⁶ Ар-Рази также организовал свою химическую лабораторию, в которой проводил различные исследования; он написал 26 больших и малых трактатов, посвященных различным вопросам алхимии. Именно он предложил классифицировать вещества как имеющие минеральное, растительное и животное происхождение, первым сумел получить алкоголь путем сбраживания и начал использовать его в медицинских целях⁷.

¹ Нуралиев Ю. Медицина эпохи Авиценны. Кн. I. Душанбе, 1981. С. 64.

² Там же. С. 113.

³ Кадыров А. А. Древняя аптека на территории Узбекистана // Медицинский журнал Узбекистана. 1987. № 11. С. 71.

⁴ Лее Тьяо. Достижения китайской медицины в эпоху Суй (581—617) и в эпоху Тан (618—907) / Пер. с англ. проф. А. Н. Рубакина // Вопросы истории медицины. Вып. 6. М., 1947. С. 34—35.

⁵ Большая медицинская энциклопедия. Т. 17. М., 1960. С. 77.

⁶ Каримов У. И. Книга тайны тайн. Ташкент, 1954. С. 20—21.

⁷ Абул-Рazzaк Кадыра, Успехи наук на заре ислама // Курьер ЮНЕСКО. 1981. № 9—10. С. 49.

Для развития таких отраслей лекарствоведения, как фармакогнозия, фармация и особенно технология получения сложных лекарственных форм, важное значение имело также развитие стеклодела в Хорасане и Мавераннахре. Стекланные сосуды использовались не только в химических лабораториях, но и для перевозки нашатыря, ртути, розового масла и других лекарственных средств⁸. Не случайно при раскопках на территории Средней Азии археологи встречают стеклянную посуду самых разнообразных форм.

Мусульманские ученые, такие, как Беруни, Ибн Сина (XI в.), Гафики (XII в.) и особенно Ибн ал-Байтар (XIII в.), развили и усовершенствовали фармакологию. На средневековом Востоке фармакогнозия рассматривалась как первая ступень врачебного искусства, т. е. посвятивший себя медицине человек прежде всего должен был овладеть необходимыми познаниями о лекарственных средствах. Разработкой теоретических вопросов фармакогнозии и обогащением ее новыми средствами в первую очередь должны были заниматься сами врачи. Особенно ценили труд табибов, которые могли изготовить лекарства из местных лекарственных трав и простые медикаменты. Так, Беруни в своей книге «Фармакология по медицине» уделял особое внимание местным названиям лекарств, бытовавших тогда среди жителей стран Средней Азии, Ирана и Индии, дал описание свыше 1000 различных лекарственных средств⁹. А Ибн ал-Байтар написал трактат о наиболее простых медикаментах, где он указал 1400 препаратов растительного, животного и минерального происхождения¹⁰.

В начале X в., когда торговля восточными специями и ароматами стала набирать силу, в некоторых восточных городах появляются специальные площадки для продажи различных лекарств и благовоний. Так, немецкий историк С. Д. Гойтейн, основываясь на каирских документах, пишет, что площадки, называемые «мурабба-а ал-аттарин», получили наибольшее распространение в городе Фустат (Египет) в конце XI — начале XIII в.¹¹ «Аттар» или «сайдали» (аптекарь) или «сафуфи» (изготовитель медицинских порошков) встречались на каждом углу Фустата, преимущественно в мусульманских его кварталах. Крупные «аттарини» (аптекари-оптовики), занимавшиеся также международной торговлей пряностями, ароматами и лекарственными средствами, предпочитали располагаться на «мурабба-а»¹².

Персидский путешественник Насир-и Хасрау также сообщает о существовании в XI в. большой и малой «мурабба-а» в г. Нишапур (Иран)¹³. Лавки по продаже лекарственных средств и благовоний существовали и на базарах городов Средней Азии. Их можно было встретить, например, на базарах и кварталах Бухары, Самарканды, Герата, Хорезма, Ходжента. Так, историки сообщают, что в южном пригороде Самарканды в X в. был расположен квартал Нахр ал-Кассарин, т. е. «Канал чистильщиков», в котором располагалась мечеть ал-Аттарин, т. е. продавцов благовоний и лечебных средств¹⁴. Существовали также домашние аптеки, где по рецептам табибов готовили лекарства. Известный историк медицины Ю. Нуралиев пишет, что в эпоху Ибн Сины домашние аптеки и базарные лавки по продаже лекарств составляли «аптечную сеть» по основе лекарственного снабжения населения¹⁵.

Следует добавить также, что в средние века почти каждая больница имела при себе свою хорошо обеспеченную аптеку, где работали опытные фармацевты. Например, штат аптеки в больнице «Дор уш-шифо» в Бухаре, действовавшей в XVII в., состоял из двух аптекарей¹⁶. Они обслуживали главным образом стационарных больных и готовили лекарства по рецептам табибов, работавших в больнице. Аптеки имелись также при больницах Самарканда, Мерва, Герата, Рея, Табриза, Хамадана, Ширазы и др.

Строительство подобных объектов, забота о здоровье населения, организация его медицинского обслуживания — все это входило в благотворительную деятельность государства и поддерживалось шарнатом. Известный политический деятель, врач и историк XIII—XIV вв. Рашид ад-Дин писал, что «султаны ислама и великие государи... сооружали здания с хорошим воздухом и благоустроенные и привлекательные дома. Как средство лечения ради исправления состояния здоровья они собирали лекарства..., привлекали знающих врачей и устраивали удобные и светлые больницы»¹⁷.

⁸ Абдураззаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделние в Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1968. С. 46.

⁹ Каримов У. И. Указ. соч. С. 3—4.

¹⁰ Абул-Раззак Каддура. Указ. статья. С. 18.

¹¹ Гойтейн С. Д. Изменения на Ближнем Востоке в свете документов каирской Генизы // Мусульманский мир. М., 1981. С. 46—47.

¹² Там же. С. 47.

¹³ Насир-и Хаерау. Сафар-Наме: Книга путешествия. М.; Л., 1933. С. 134.

¹⁴ Камалиддинов Ш. С. Китоб ал-Ансаб. Тошкент, 1993. С. 85.

¹⁵ Нуралиев В. Указ. соч. С. 127.

¹⁶ Кадыров А. А. История медицины Узбекистана. Ташкент, 1994. С. 124.

¹⁷ Рашид-ад-дин. Переписка (пер., введ. и коммент. А. И. Фоминой), М., 1971. С. 290.

В Средней Азии знатым табибам иногда на договорных началах предоставлялись помещения в караван-сараях, где табибы имели свои худжры для приема пациентов. Такие худжры-амбулатории в XIX—начале XX в. имелись, например, в бухарских караван-сараях Мирзо-Гуль, Кози-калон и др.¹⁸ В Бухаре табибы лечили больных лекарствами (дору) собственного изготовления или направляли их за лекарством к аттарам. У каждого табиба, помимо худжры, в которой он принимал посетителей, был обычно аттарский дуكان—аптечная лавка на базаре, куда он направлял своего пациента за лекарством. Интересно, что по заказам некоторых лиц табибы растирали в ступке кусочки золота, изумруда, алмаза с добавлением 40 видов всяких снадобий. Лекарство это принималось в виде пилюль в качестве курсовки маленькими дозами¹⁹.

Технология приготовления многих лекарств была сложной, для чего требовались иногда специально оборудованные помещения и штаты. Поэтому уже с раннего средневековья можно было встретить в городах и самостоятельно построенные здания аптек.

По историческим данным, первая на мусульманском Востоке регламентированная государством самостоятельная аптека была открыта в 754 г. халифом Харуном ал-Рашидом в Багдаде²⁰. Затем подобные аптеки стали появляться в других странах мусульманского мира. Так, в Египте во времена правителя Ахмада ибн Тулуна (IX в.) была учреждена аптека при его дворцовой мечети и больнице, в которой каждую пятницу врачам было поручено бесплатно лечить больных, приходивших заодно и на молитву²¹. В XI в. самостоятельные аптеки были открыты в испанских городах Кордова и Толедо.

В качестве примера самостоятельного здания аптеки, построенного в Средней Азии, можно привести найденную в 1983 г. аптеку конца VIII в. на развалинах шахристана древнего Пайкента, в 50 км от Бухары²². Здание ее состояло из нескольких помещений, отсеков и подвала. Последний играл роль своеобразного «холодильника» для сохранения сырых материалов (лекарственных трав, химических веществ и иного быстро портящегося сырья), из которых изготавливались лекарства. В помещениях найдены разные стеклянные и керамические сосуды, много монет и маленькая бронзовая четырехугольная чашка с остатками пчелиного воска (в восточной медицине его применяли как лекарственное средство). В такой же древней аптеке в г. Ходженте в 1983 г. найдены сосуды с остатками ртути, которая довольно широко применялась в восточной медицине,

В XIX в. в Коканде работал известный ученый-врач Махмуд Хаким Яйпаний. В его доме обнаружены перегонный куб для дистилляции воды и сосуды с остатками различных лекарств²³. Видимо, он организовал дома аптеку и занимался изготовлением лекарств для своих пациентов.

Таким образом, изучение исторических сведений (письменных источников, вакфных документов, археологических данных, современной исторической литературы) в целом и истории материальной культуры, в частности, показывает, что в период средневековья во многих восточных городах при регламентированном благотворительстве государственных лиц (халифов, местных правителей, везирей и городской знати), а также при активном участии ученых-медиков развивалось строительство лечебных учреждений (бемаристанов, дор-уш-шифо, шифохона), медицинских школ (мадрасаи дор уш-шифо), аптек (дорихона), а также открывались базарные лекарственные лавки (мурабба-а, дорусозхо).

Имеющиеся данные позволяют охарактеризовать систему аптечного обслуживания средневековых городов Востока (табл. 1).

Как видно из табл. 1, аптечные учреждения были непременными компонентами социально-функциональной инфраструктуры средневековых городов Востока. Начало их возникновения приходится, в основном, на V—VIII вв. Больничные учреждения с аптеками строились как в виде самостоятельных объектов, так и в комплексе с медресе или мечетью, нередко составляя с ними великолепные архитектурные ансамбли²⁴. Однако основная масса лечебных зданий в городах строилась самостоятельно.

В Средней Азии, в отличие от других стран мусульманского Востока, создание больниц в комплексе с мечетью не практиковалось. Больницы с аптеками строились

¹⁸ Ремпель Л. И. Далекое и близкое: Бухарские записки. Ташкент, 1982. С. 57.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кадыров А. А. Древняя аптека... С. 71.

²¹ Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. М., 1966. С. 143.

²² Мухаммаджонов А. Пойкент дорихонаси//Фан ва турмуш. 1986. № 3. 21-б.

²³ Кадыров А. А. История медицины... С. 135.

²⁴ Уралов А. Из истории медицинских учреждений Мавераннахра эпохи Темуридов//Общественные науки в Узбекистане. 1999. № 1—2. С. 67; его же. Утмишдаги даволаш ва шифобахш муассасалар. Тошкент, 1990. 18-б.

Преимущественно рядом с медресе, образуя медицинскую школу с «клиникой» (например, Самаркандская, Гератская, Балхская больницы)²⁵. Бывали случаи, когда функции больницы, аптеки и медресе объединялись в одном здании, как, например, «мэд-расан дор уш-шифо» в Бухаре.

Таблица 1

Градостроительная типология и система размещения	Характеристика аптеки	Примеры из средневековой практики
Самостоятельные здания аптек	Отдельностоящее здание из нескольких помещений, включающих и «амбулаторное отделение» и «сардоба» — подземное хранилище	Пайкентская аптека, VII в. Хамаданская аптека, XIII в.
Аптеки в составе крупных больниц и медицинских школ	Выделялся отдельный блок из нескольких помещений. У аптек при медицинских школах иногда содержались лекарственные сады	Аптека и аптечный сад при Гундишапурской медицинской школе, V—VI вв. Аптека в составе больницы Ибрагим-Тамгачхана в Самарканде, XI в.
Аптеки при дворцовых мечетях	Отдельные помещения, иногда с амбулаторным обслуживанием	Аптека больницы Шифоия в Герате, XV в. Дворцовая мечеть Ахмад ибн Тулуна в Каире, IX в. Мечеть ал-Аттарин в Самарканде, X в. Мечеть Султана Калауна в Каире, XI в.
Базарные аптеки	В виде лекарственных лавок «дорисозхо» и площадей — «мурабба-а ал-аттарин»	Мечеть Султана Калауна в Каире, XI в. (Лекарственные лавки существовали на базарах Бухары, Самарканды, Герата, Ходжента и др.)
Домашние аптеки	Помещение с аптечной лавкой	Мурабба имелись в Нишапуре (XI в.), Фустате (Египет, XI—XII вв.), Самарканде (X в.). Домашние аптеки имелись в Бухаре, Самарканде, Ходженте, Багдаде и др.
Аптеки при крупных постоянных дворах (караван-сараях) и рабатах	В виде отдельного помещения, включавшего в себя и амбулаторное обслуживание	Аптека в составе Рабаты Малик, близ г. Навои, XI в.

Итак, гражданские больницы, медицинские школы, самостоятельно построенные аптеки, аптеки при больницах и медицинских школах, домашние и дворцовые аптеки, а также базарные аптечные лавки — все это вместе составляло основу больничного обслуживания и лекарственного снабжения населения и представляло собой «больнично-аптечную сеть» средневековых городов Востока, в том числе Среднеазиатского региона.

А. С. Уралов

²⁵ Уралов А. С. Из истории строительства больниц в Средней Азии // Вопросы архитектурного проектирования в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 80—82.

ПАХЛАВОН МАҲМУД РУБОИИЛАРИДА АХЛОҚ-ОДОБ МАСАЛАСИ

Пахлавон Маҳмуд XIII асрнинг охири ва XIV асрнинг бошларида Хоразмда яшаб ижод этди. Шоир мамлакатда мўғул bosқинчиларининг халқ кўнглига солган қонли жароҳатлари тузалмаган бир даврда яшаб, жавонмардийлик фалсафаси, тасаввуфнинг ахлоқий ғояларини элга тарғиб этди. Узининг ижоди ва ижтимоий фаолияти билан халққа намуна кўрсатди. У ижод билан биргаликда пўстиндўзлик ва телпақдўзлик ҳунари билан ҳам шуғулланди. Бу билан бирга «Зўрхона» деб номланган йигитларнинг кураш тушиш тўғарақларини ҳам бошқарди. Пир, яъни устоз даражасида эъзозланди¹.

¹ Алиқулов Ҳ. Футувват фалсафаси ҳақида // Мустақил Ўзбекистон: фалсафа фанларининг долзарб муаммолари. Тошкент, 1999, 108—110-бетлар.

Паҳлавон Маҳмуд тинч ва фаровон ҳаёт куйчиси эди. Ҳоддий халқ орасидаги чиққанлиги учун ноҳақликларнинг сабабини яхши тушунар эди. Жамиятдаги мавжуд ахлоқий иллатлар, сохта диндорлик, тарки дунёчилик, бойлик ортидан қуввиш кабиларни иллат ҳисоблаб, инсон ҳаётининг мазмунини маънавий баркамолликда деб тарғиб қилади.

Эй хожа, сен нечун бунча беҳабар,
Хаёлингга кеча-кундуз кумуш-зар.
Дастмоянгу бу оламда бир кафан,
Буюрганми сенга кафан ким айтар?²

Паҳлавон Маҳмуд рубойларида бутун борлиқни яратган, ёр тимсолида ифода этиладиган Оллоҳнинг васлига етиш, уни сезиш, ҳар бир дақиқада унинг дийдорига интилиб яшаш, унинг васлига етиш учун восита бўладиган маънавий комилликни эгаллаш ғояси ётади.

Дардмандам, дардмандам, буткул дардмандам,
Оразинг шамъидан ўргилай ҳар дам,
Ғар васлинг давлати муяссар бўлса,
Сураин пойингга бу рўйи зардам³.

Оллоҳ таоло васлининг насиб бўлиши инсонга ато этилган бахт эканлиги, унинг дийдорига талпиниб яшаш, ўзини таниган ҳар бир инсон учун охираат ободлиги эканлиги юқоридаги рубойда шундай фалсафий шакл-шамойилда мулоҳаза қилинганки, буни бутун рубойининг ҳар бир мисрасида аниқ кўра оламиз. Ошиқ инсон яратганининг васлига етиш учун ҳар қандай қийинчилигу азоб-уқубатларга бардош беради. У — дардманд. Оллоҳнинг нуридан ҳар дам баҳра олмоқчи.

Ҳақни излаган инсон унга етиши мумкин. Бўйинг учун у ўз кўнглини поклаб, каттаю кичик гуноҳлардан форир бўлиб, «тавба» қилмоғи лозим. Бу ҳақда Паҳлавон Маҳмуд шундай дейди:

Тавбамга таяндим, шаробим келтир,
Изтиробим ортди, гулобим келтир.
Сўндирар тутсанг жом хуморим ўтин,
Ўт тушди кўнглимга кел, обим келтир⁴.

Юқоридаги рубойда Ҳақ ошиғи бутун қилмишларидан, гуноҳларидан форир бўлиб, тавбасига таянади. Оллоҳнинг ишқ улашувчи кўзи, яъни назари кимга тушмасин у хоҳ олим, хоҳ омиё бўлсин, у Оллоҳга боғланиб, ишқ ўтида куя боради. Илоҳий ёрнинг сочи эса қанчадан-қанча яхши одамлар номини йўқ қилади. Яратганининг ишқида Мансур Халлождек авлиёлар жонидан кечади, жисми йўқ бўлади. Бу ишқ Боязид Бистомийни узлатидан ҳайдаб чиқаради:

Ўлтурди кўзинг ҳам олим, ҳам омиёни,
Йўқ қилди сочинг не яхшилар номини.
Бир кулди-ю лаъл лабинг чиқарди ҳайдаб,
Ўзлатидан Боязид Бистомийни⁵.

Маълумки, тасаввуф фалсафасида «шайх», «авлиё», «дарвиш», «Ҳаққа етмоқ» ҳаби сўз ва иборалар бор. Булар Оллоҳ ишқида ёниб, риёзат чекиб, юксак мартабага эришган одамларга нисбатан айтилади. Бундай мартабага эришган инсонларга Оллоҳнинг назари тушган.

Ватанимиздан қанчадан-қанча азиз-авлиёлар етишиб чиққан. Масалан, Бухоро вилоятидан Абдуҳолиқ Ғиждувоний, Бобо Самосий, Мир Кулол, Баҳовуддин Нақшбанд; Қашқадарёдан Ҳазрат Башир, Шайх Ҳасан ва Ҳусанлар; Сайрамдан Аҳмад Яссавий ва бошқалар. Бу номларни яна ҳам давом эттириш мумкин. Ушбу буюк шахсларга Оллоҳнинг назари тушган дейишади. Ривоятларга қараганда, буларнинг кўнгилларига яратганининг ўзи ишқ солиб, йўл кўрсатган. Ҳаттоки уларнинг руҳларидан таълим олиб, Увайсий бўлганлар. Булар орасидаги баъзи шайхларга Оллоҳнинг назари туғилмасликларидан олдин тушган, деган ривоятлар бизгача етиб келган. Мисол қилиб Нақшбанд билан Боязид Бистомийни олишимиз мумкин. 1354 йилда вафот этган мутасаввиф олим Хўжа Муҳаммад Бабой Самосий Баҳовуддин Нақшбанднинг Бухоро ёнидаги Ҳиндуён қишлоғида туғилишини олдиндан айтиб, башорат қилган эканлар.

Ҳазрат Боязид Бистомийнинг онаси узум сотувчидан сўрамасдан ерга тўкилган уаумдан бир дона олгани учун вужудидаги Боязид Бистомий норози бўлиб,

² Паҳлавон Маҳмуд. Рубойилар. Тошкент, 1979. 45-бет.

³ Уша асар. 73-бет.

⁴ Уша жойда.

⁵ Уша асар. 75-бет.

онасининг бутун гавдасида кучли оғриқ пайдо бўлган. Бу каби ривоятлар ҳам та-
лайгина. Оллоҳ назари сабабли булар каби улуғ инсонлар Паҳлавон Маҳмуд айт-
ганидек, «Қимматли гавҳар»га айланганлар:

Назар тушган кимса қимматли гавҳар,
Кам ўйлаган кимса бўлур беназар.
Ишқсиз камол бўлмас ушбу оламда,
Косадан муроддир асли косагар⁶.

Инсон ҳар иккала ҳаёти — тириклик ва охиратни ўйлашга мажбур. Ҳаёт ширинлик-
лари, орзу-ҳаваслари деб охиратдан воз кечмаслик, ҳар иккала ҳаётни бир-бирдан
ажратиб тасаввур қилмаслиги керак. Паҳлавон Маҳмуд боқий ҳаёт ҳозирги ҳаёти-
мизнинг давоми эканлигини ўз рубойлари орқали тарғиб қилиб, қуйидагиларни
ёзган:

Бердингки қаноат, мис эдим зар бўлдим,
Сунг нури яқинингла мунаввар бўлдим.
Ҳўб ёнди куйиб барча ғараз бир бошдан,
Холис яралишга муяссар бўлдим⁷.

Худонинг васлидан умидвор бўлган инсон бутун маънавий комилликни эгал-
лаши лозим. Риёзат чекиб диний, дунёвий билимларни тўла эгаллаб, тавба, сабр,
қаноат, парҳез кабиларни аъло даражада бажариб, тасаввуфнинг тўрт босқичи —
шариат, тариқат, маърифат, ҳақиқат каби билимларни тўла эгаллаб, поғонама-
поғона юқорига чиқиб Ҳаққа етгандан кейин, инсон Оллоҳнинг сифатларига эри-
шади. Қалбидаги ишқ ўти ботинидаги ғаразларни, ёмонлик, шайтоний ҳавасларни
куйдириб, инсонни поқлайди. Натижада одамнинг кўнглида Худонинг акси кўрина
бошлайди ва у ана энди «Зар»га айланади ва инсон бошқатдан яралади. У энди
ўзини тупроқдек камтарин, хокисор, мулойим, ҳалимдек юмшоқ, кечирувчан, Ол-
лоҳнинг жамики бандаларига нисбатан меҳрибон, шафқатли, нафсини жиловлаган,
ўз меҳнати билан кун кечирувчи одамга айланади:

Бир бурда кифоя, мардга кўп нон не керак,
Дарёдан оқар сув, ана ризвон не керак.
Ўз қўли бор, айт, не керак хизматкор,
Ўз дили бор, айт, унга султон не керак?⁸

Паҳлавон Маҳмуднинг тасаввуфий рубойларидаги мақсад ва мазмун шун-
дан иборатки, инсон ўткинчи дунёни вақти келгандан кейин тарк этиб, боқий дунёга
кетганини тан олиб яшаши, абадий дунёга оқ юз, тоза кўнглида Оллоҳ ишқи, ило-
ҳий ахлоқ, пок виждон билан бориши лозим. Ана шундагина яратганининг илтифоти-
га сазовор бўлиб, охирати обод бўлади:

Кимки агар бўлсада минг яхши-ёмон,
Қолмас омон, қолмас омон, қолмас омон.
Умр тожини ечгай, бошини кетгай олиб,
Қабри томон, қабри томон, қабри томон⁹.

Паҳлавон Маҳмуднинг тасаввуфий рубойларида инсонпарварлик, поклик, меҳ-
натсеварлик, нафсни тийиш каби ахлоқий фикрлар ҳар бир мисрасига жуда усталик
билан сингдирилган. Паҳлавон Маҳмуднинг фикрича, нафс — бу инсоннинг вужуди-
даги жуда кучли душман. Одам ўзидаги бу душман билан тинмай кураш олиб бо-
риши, уни бош кўтаришига йўл қўймаслиги керак. Агар уни бир лаҳзагина ўз ҳо-
лига қўйса, бу душман дарров сени устингдан ғалаба қозона бошлайди ва
инсон нафсининг қопқонига тушади. Нафсни тийиш учун у кўп емаслиги, ўз
қудратидан мағрурланмаслиги кераклигини таъкидлайди. Ва бунини ўзи амалда
исботлаб, ўрнак бўлади. Ривоятларга кўра мусулмон Шарқ мамлакатларининг
бирида кураш тушишдан олдин одатича Паҳлавон Маҳмуд қабристонларни зиёрат
қилгани боради ва шу ерда рақибининг онаси ўғли учун Худога нола қилганини кў-
риб, онага ўғли албатта бу курашда ғолиб бўлишини айтади. Ўзи курашда енгиледи,
лекин у онадек улуғ зотга берган сўзининг устидан чиқиб, маънавий ғолиб бўлади.
Паҳлавон Маҳмуд бу ҳаракати орқали ўзидаги шон-шавкат нафсини енгиб, ғолиб-
лик шухратидан воз кечади. У ўзининг рубойлари воситасида эл орасида тарғиб
қилган «нафсни енгитиш», «Оллоҳнинг жамики бандаларига меҳр-мурувват кўрсатиш»
каби ғояларига амал қилиб, ўзи ҳар қадамда ўрнак кўрсатган.

⁶ Уша асар. 73-бет.

⁷ Уша асар. 11-бет.

⁸ Абдулҳаким М. Иймон тухфаси. Тошкент, 1997. 45-бет.

⁹ Уша асар. 13-бет.

Пахлавон Махмуднинг диний-тасаввуфий рубойларидаги ахлоқий ғояларнинг тарғибдан шу нарса маълум бўладики, Хоразм таназулга учраган бир даврда у ўша даврнинг баркамол мутафаккири бўлган. Унинг тасаввуфий рубойларидаги юксак инсоний қомилликни, эгаллаш, ҳалол-поқлик, инсонпарварлик, меҳнатсеварлик, нафсни тийиш каби панд-насихатомуз ўғитлари мустақил Ўзбекистонимизда баркамол ва ҳар томонлама етуқ инсонни тарбиялашда муҳим маънавий омил вазифасини бажариши шубҳасиздир.

Ш. Раимжонова

О ТРАДИЦИЯХ И ОСОБЕННОСТЯХ СОГДИЙСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА

Самобытная согдийская ювелирная школа до сих пор не получила специального комплексного анализа. Так, Д. А. Фахретдинова в своей монографии, на наш взгляд, уделив большое внимание бактрийской ювелирной школе, менее подробно характеризует согдийское ювелирное искусство¹. В статье Н. П. Лобачевой рассматриваются такие аспекты, как головные уборы, одежда, их аксессуары, серебряные и золотые пояса с камнями и нашивными декоративными бляшками, привлечены письменные источники, в частности сведения Наршахи. Представляет интерес также описание оформления манжет одежды декоративной вышивкой, исполненной под влиянием местного согдийского костюма².

Наличие в Согде ювелирных мастерских отмечено в новом издании по археологии Средней Азии. Там же сказано, что «согдийский костюм часто дополнялся серьгами, бусами, браслетами, перстнями, изготовленными из золота»³. Говоря о византийско-согдийских связях, автор отмечает археологические находки, в том числе пенджикентский медальон, бронзовые серьги VIII в., которые имеют аналоги в Афганистане, на Памире, Тянь-Шане, в Семиречье, погребениях Сибири. Автор упоминает большое распространение в Согде бус, браслетов и перстней, особенно перстней-печатей и подвесок в виде человеческих фигурок, кувшинчиков, конька, бубенчиков.

В другом исследовании Г. М. Майтдиновой по раннесредневековому костюму отмечено, что женская одежда в этот период украшалась круглыми бляшками, драгоценными камнями и бисером. Ими украшали кофты, халаты, обувь, прически, ворот платьев. Плащи-накидки из Тохаристана, Согда крепились фабулами и были похожи на одеяния буддийских персонажей. Автор пишет также, что «платья у царственных особ декорировались роскошной отделкой, воланами, лентами, бусами. Дополнялись они сложными шейными и ушными украшениями...»⁴

Г. А. Пугаченкова по мьянкальским оссуариям выделила семь типов мужских корон и пять типов женских. Несколько типов описаны с многочисленными аналогиями как в территориальном, так и в хронологическом аспекте⁵. В. А. Мешкерис в небольшом исследовании по женским чалмообразным головным уборам на терракотах Согда высказала мнение, что одни из них отражают влияние Западной Индии, другие относятся к местному согдийскому производству⁶.

Фундаментальная монография В. И. Распоповой по металлическим изделиям раннесредневекового Согда характеризует металлообрабатывающее ремесло Согда — ведущей области Средней Азии в период раннего средневековья. Это исследование дало ценный материал по поясным наборам и пряжкам, что позволило «отнести согдийские пояса к той же типологической группе, что и пояса тюрков и кыргызов, и показать, что поясные наборы Средней и Центральной Азии существенно отличались от характерных для Юго-Восточной Европы. Историческая интерпретация этого явления связана не столько с этническими, сколько с политическими явлениями, поскольку поясу в государствах того времени придавалась роль знака отличия...»⁷

Итак, накоплен уже немалый научный материал о древних украшениях Согда, их происхождении, эволюции, способах ношения, семантике. Теперь настала пора объединить все сведения в целостное исследование, рассмотреть в комплексе харак-

¹ Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 36—42.

² Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей)//Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 18—48.

³ Средняя Азия в раннем средневековье//Археология: Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. М., 1999. С. 74—75.

⁴ Майтдинова Г. М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных связей раннего средневековья//ИМКУ. № 29. Ташкент, 1997. С. 114—132.

⁵ Пугаченкова Г. А. Мьянкальские оссуарии//Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 89—123.

⁶ Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда//Костюмы народов Средней Азии. М., 1979. С. 13—18.

⁷ Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 131.

терные черты, особенности и традиции согдийской ювелирной школы, исходя из данных монументальной стенописи, терракот, археологических ювелирных находок и др.

Анализ имеющегося материала показывает, что согдийская ювелирная школа отличается яркой самобытностью и выразительным своеобразием; в ней отразился органический синтез местных традиций и новаторских приемов сопредельных стран.

Украшения Согда, как и ювелирные изделия в обществе любого региона, играли весьма значительную роль, ибо выполняли ряд нагрузок: функциональную, эстетическую, половозрастную, социальную, экономическую, а главное считались оберегами и талисманами, в них вкладывали глубокий сакральный смысл.

Классификация эти изделий позволила выделить следующие пять групп:

1. группа. Головные украшения

Головные уборы и волосы всегда украшались всевозможными ювелирными изделиями и довольно ярко отражали эпоху, социально-экономическое положение в обществе; несли функциональную нагрузку: шлем оберегал воина в бою; головные повязки придерживали волосы; наконники, заколки, ленты не давали волосам разлохматиться. Все они обычно исполнялись высокохудожественно и украшались бусами, бляшками, вышивками, аппликациями, камнями, а потому мы относим их к разряду ювелирных изделий. Самые богатые головные уборы — короны⁸. Их обильно украшали самоцветами, кораллами, жемчугом, декоративными бляхами и розетками.

Охарактеризуем основные типы головных украшений.

1 тип. Налобные повязки.

1. Афрасиабские налобные повязки VI—VII вв. Самые простые из них состояли из неорнаментированной, гладкой полосы красного или белого цвета. «... Ясно, что в этот период подобные повязки служили украшением и выполняли утилитарное назначение, а цветом показывали общественное положение или служебный ранг носителя, или возрастную категорию. Такое же значение имела чалма в XIX в.»⁹ Аналогии этим повязкам находим в Дальварзинтепа, Халчаяне; истоки их уходят в эллинистический мир.

2. Полоса из кожи или металла с тремя окружностями из Афрасиаба (VI—VII вв.) или полоса с одной бляхой сбоку либо посередине. Все бляшки, очевидно, были крупными камнями и очень схожи с дальварзинскими. «... В круглых розетках видится изображение солнца, особенно в тех, которые окружены золотым филигранным узором, напоминающим лучи солнца. Солнце, помимо своего основного назначения, как символа плодородия, служило атрибутом богини-матери, начиная с эпохи неолита...»¹⁰

3. Полоса ткани с рельефной бляхой, на которой изображена голова богини (Согд. Лявандак, II тыс. до н. э.). Имеет черт, присущие изделиям эпохи эллинизма и переосмысленные местными мастерами. По композиции и деталям перекликается с повязкой, изображенной на халчаянской скульптуре¹¹.

4. Полоса с фигуркой животного из Варахши (VII—VIII вв.); символизировала власть и покровительство.

5. Повязки на мужских терракотовых фигурках. На полосе семь выпуклых украшений. Очевидец сообщает (VII в.) о правителе Самарканда, что он «носит золотой венец с семью дорогими камнями...»¹²

II тип. Шапки. Чалмы. Шлемы.

1. Чалма на женской терракотовой статуэтке из Согда кушанского времени; небольших размеров, с двух- или трехлепестковым бантом на темени. Ареал — Северо-Западная Индия, Гандхара¹³.

2. Объемный тюрбан. Явно чувствуется греко-гандхарское влияние, но с видоизменениями в согдийской среде, отражавшими местные вкусы и запросы. «... По данным этнографии известно, что чалмообразный головной убор надевают на женщину только после рождения ребенка, во время обряда, знаменующего переход в следующий возрастной класс...»¹⁴ В. А. Мешкерис отмечает местное согдийское происхождение такой формы.

3. Металлические шапочки, облегающие головы на персонажах с монголоидными чертами, изображенные в монументальной живописи Пенджикента. «...Эти шапочки напоминают серебряные наверхия на туркменских девичьих тюбетейках...» Аналогии отсутствуют. «...Афрасиабские росписи дают пример головных уборов чганианцев из узорной ткани или расшитых, натянутых, видимо, на твердый каркас...»¹⁵.

⁸ Пугаченкова Г. А. Мианкальские оссуарии... С. 115.

⁹ Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы... С. 14.

¹⁴ Там же. С. 16, 17.

¹⁵ Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм... С. 39.

4. Шлемы полуовальной формы с выемом у висков при переходе к нащечникам; на макушке кольцевое навершие с отверстием, в котором закреплен хвост, — куйрук. Ареал — от Скифии до Средней Азии. Прямых аналогов нет¹⁶.

5. «... Китайские источники упоминают, что владетель Кана носил валяную шляпу, украшенную золотом и золотыми камнями...»¹⁷

III тип. Украшения волос.

Волосы и пикосные подвески украшались диадмами, вуалью, венцами, бусами. 1. Согдийцы носили шиньоны. Н. П. Лобачева пишет: «... О головных уборах мы ничего не знаем по росписям. Китайские хроники сообщают, что согдийские женщины собирали волосы в шиньон и покрывали их черным покрывалом с золотыми цветами (Таншу)...»¹⁸

2. Непокрытые головы также описаны Н. П. Лобачевой: «... На пенджикентских росписях женщины изображены с непокрытыми головами, с волосами, собранными в замысловатую прическу или заплетенными в несколько косичек, что сохранилось до сих пор...»¹⁹

3. Г. Майтдинова продолжила эту мысль: «... В Согде заплетали шесть кос, иногда нанизывая на них бусы...» «... Самаркандские женщины косы на затылке складывали «восьмеркой», скрепляя длинной шпилькой...»²⁰

4. Накосные подвески изображены на женских персонажах стенописи Афрасиаба.

Считали, что если волосы распущенные или лохматые, в них могут поселиться злые духи. Накосники, помимо функционального назначения, считались сильным оберегом, защитой головы и самих волос, а украшение их как бы усиливало плодотворность женщин.

IV тип. Короны.

1. Короны с тремя полумесяцами, по приведенной Г. А. Пугаченковой аналогии, встречены, помимо Согда, в стенописи Бамиана V в., в Фундустане на буддах и бодхисаттвах²¹. На пенджикентских коронах также встречается полумесяц. Известно, что Луне в Средней Азии отдавали большое предпочтение, считали, что она означает великое светило. «... Луна чаще всего изображается в виде тонкого месяца, а не полного диска или полумесяца; здесь, вероятно, семантика Луны тесно переплетается с семантикой рогатого быка...»²² Как известно, бык символизирует плодородие.

2. Двурогая корона имела распространение у кушано-сасанидских правителей III—IV вв., в кидаритском чекане IV в., а также на блюде бактрийско-тохаристанского происхождения; «... на блюде с изображением восседающей на банкетке царской четы (коллекция Уолтера в Балтиморе) подобный головной убор у царицы, вероятно, указывает на ее бактрийскую (кушано-сасанидскую) генеалогию»²³. В Согде такой тип корон изображен на жрецах и жрицах мианкальского оссуария.

3. Двукрылая корона с кругом и полумесяцем в центре или со звездой, цветком и т. д. была распространена довольно широко. Такие головные уборы имеют аналогии в изображениях на монетах кидаритов, эфталитов, сасанидов. Известны двукрылые короны на изображениях правителей в мелкой пластике, у Будды, в росписях Бамиана, на восточном серебре V—VIII вв., в том числе в сценах пиршества на двух блюдах, в которых Б. И. Маршак усматривает согдийское происхождение, а В. П. Даркевич — восточноиранское (хорасанское)²⁴.

Распахнутые крылья встречаются также в деталях архитектуры античности и раннего средневековья. «... Если не говорить о частных деталях иконографии, персо-

¹⁶ Пугаченкова Г. А. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 61.

¹⁷ Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм... С. 39.

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ Там же.

²⁰ Майтдинова Г. М. Отражение в женских костюмах... С. 124, 125.

²¹ Пугаченкова Г. А. Мианкальские оссуарии... С. 115, 116.

²² Голан А. Миф и символ. М., 1993. С. 57. Д. А. Фахретдинова пишет: «... Изображение одних и тех же символов, например, полумесяца, на коронах правителей и на головном уборе богини-матери можно объяснить рядом причин. Большинство символов были полисемантически по смыслу и имели разное значение на короне правителя и венце богини-матери; появление атрибутов богини-матери на короне правителя могло означать представление о ее покровительстве над ним и «утверждало» божественное происхождение царской власти...» (Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство... С. 25). «... Венец с тремя тьюлпанообразными цветками протягивает девочку на одной из сасанидских гемм (Британский музей). Оформление короны парой таких цветков присуще одному из царственных персонажей в росписях Бамиана...» (Пугаченкова Г. А. Мианкальские оссуарии... С. 115).

²³ Пугаченкова Г. А. Мианкальские оссуарии... С. 115.

²⁴ Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971. Рис. 10. 29; Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976. Табл. 6. С. 85.

нажи мианкальских оссуарий в живописи. Тогда прямых аналогий не находят. Однако в настенных горельефах и в коронном пластике встречаются определенные соответствия...»²⁵

4. Зубчатые короны встречены на мианкальских оссуариях и особенно в живописи Пенджикента. Исследователи считают, что такие короны означают «священную гору, где происходит соединение земного и небесного мира, по которой идет царь беседовать с богами» «... Пенджикентские головные уборы с четырехконечной короной по четырем сторонам света ассоциируются с небесной стеной, с хребтом мировых гор по краю света, т. е. были символом сразу всех зон мира...»²⁶ Зубчатые короны имеют отдаленные аналогии у средневековых европейских королей, римских императоров, у скифов, армянских царей. Для раннего средневековья отметим четырехконечные короны скандинавов, англосаксов, норманов, галлов, шотландцев и др.²⁷

II группа. Серьги

Серьги — широко распространенные украшения головы. По этнографическим данным, серьги надевали на младенца сразу же после рождения, считая, что они оберегают его от болезней и смерти²⁸. Уши прокалывали и девочкам, и мальчикам, чтобы демоны не забрали их у родителей. Если дети все-таки болели и умирали, то мать нового новорожденного отрезала кусочек его уха и съедала его в знак того, что ребенок принадлежит только ей, а не демону, или этот обряд означал символическую смерть. «... В росписях Пенджикента в сцене одлакивания изображено отрезание ушей близким покойного, что значило отождествление себя с усопшим, готовность последовать за ним в мир иной, то есть символическую смерть. Тот же обычай существовал и у турков. Эти же представления, по всей вероятности, обусловили казахский обычай разрывать мочку уха либо оставлять в ухе серьгу...»²⁹

I тип. Простые кольцевые серьги.

1. Кольцевые серьги изображены на терракотовых статуэтках Афрасиаба. Бронзовые серьги в форме кольца и их обломки найдены в Аруктауском могильнике Северной Бактрии (II в. до н. э.—I в. н. э.)³⁰. Все они изготовлены из тонкой проволоки и находятся в женских и мужских захоронениях. В погребальном инвентаре Тепан-Шах найдены бронзовые серьги такой же формы³¹. Многочисленные аналогии подобных серег приводит Б. А. Литвинский, исследуя ферганские украшения (например, в Северном Таджикистане — из могильника Хангиз, кургана № 32 могильника Тура-Тау, кургана № 3 могильника Джангаил, кургана № 5 могильника Баркорбаз)³².

2. Кольцо с одной или двумя шаровидными привесками, расположенными вертикально друг за другом, изображено на терракотах Афрасиаба. В пенджикентской живописи мы находим серьги в виде вытянутого вертикального столбика с двумя шаровидными привесками. На росписи Балалыктепа (Бактрия) к кольцу в ухе прикреплена крупная шаровидная привеска, с более мелкими по краям ее. В живописи Варахши и Пенджикента изображены шаровидные серьги, имеющие сходство с балалыктепинскими и каланкафирганскими.

3. Серьги с подвеской в виде виноградной грозди отмечены в живописи Пенджикента. Это вытянутый стержень, на конце которого крепилась привеска из трех шаровидных бусин в виде грозди. Более сложные и изящные серьги такого типа можно увидеть на персонажах из росписи Балалыктепа и среди находок из могильников Ялангуштепа. Проволочные серьги с подвеской в виде грозди из четырех полых шариков найдены в Карабулакском могильнике, в кургане № 9 Баркорбазского могильника, в могильнике Джангаил, в кургане № 3 Воруханского могильника, а также в Фергане и имеют сходство с римскими серьгами³³.

4. Несомкнутое кольцо с биконическим утолщением. Выявлены в археологических находках; имеют стерженек, где, возможно, крепилась бусина, отросток в верх-

²⁵ Пугаченкова Г. А. Мианкальские оссуарии... С. 116.

²⁶ Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 78.

²⁷ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982. С. 120.

²⁸ Даже в наше время экстрасенсы «уверяют, что серьги прикрывают горловую чакру и не дают недоброжелателям «отсосать» энергию. Они заверяют, что людей, обладающих таким качеством, немало...» (Николаев С. М. Камни. Новосибирск, 1995. С. 67.

²⁹ Тохтабаева Ш. Ж. Семантика казахских украшений//СЭ. 1991. № 1. С. 95, 96.

³⁰ Манделштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии//Труды Тадж. арх. экспедиции Института археологии АН и Института истории им. А. Дониша АН Тадж. Т. VII. Л., 1975. С. 51, 52.

³¹ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепан-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 150, 155.

³² Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 30—31.

³³ Там же. С. 41.

ней части и колечко, к которому припаивалась подвеска, а на отросток надевалась бусина (жемчуг). Аналогии многочисленны: памятники Ферганы, Семиречья, тюркские погребения Средней Азии, Сибири и т. д.³⁴ Бусы вдевались бронзовые, жемчужные, сердоликовые граненые. «...При изготовлении серег стерженек подвески, вероятно, пропускали сквозь колечко серьги; затем он закреплялся наглухо и на него нанизывались бусины. Бронзовые цельнолитые подвески надевались на колечко серьги...»³⁵

II тип. Сложные серьги.

1. 1. Серьги с медальонами, более сложные по композиции и форме. «...Медальон представляет собой плоскую золотую овальную пластину, в гнездо вставлен красный камень (шпинель или гранат), полукруглый в профиль... Из тонкой пластины сделано сердцевидное гнездо с вставкой из бирюзы. Сердцевидная пластина маскирует шарнир. Снизу медальона к зерни припаяна пластина, на которой крепится подвеска из бронзовой закрепленной горизонтально проволоочки с нанизанными на нее жемчужинами...»³⁶ Ювелирное изделие свидетельствует о византийско-согдийских связях и, скорее всего, изготовлено в Согде³⁷. Бронзовые серьги найдены в слоях VIII в.; имеют аналогии в находках из оседлых поселений Средней Азии и Афганистана, из могильников Памира, Тянь-Шаня и Семиречья. Более отдаленные аналогии известны из погребений Сибири³⁸.

2. Серьги с плоскими геометрическими подвесками изображены на терракотовых статуэтках Афраснаба. Это прямоугольные, трапециевидные плоские подвески, соединенные с округлыми деталями³⁹. Изображены на женщинах и мужчинах.

III группа. Нагрудные украшения.

Нагрудные изделия — наиболее нарядные и разнообразные по своим формам и композиционному решению. Это разного рода ожерелья из одной или нескольких ниток, броши, нашивные бляхи, нагрудники, амулетницы, аппликации, вышивки с «магическими» узорами и всевозможные подвески, крепившиеся у выреза платья, халата. Причем все они надевались на платье по несколько украшений одновременно, как бы наслаиваясь друг на друга, и служили символическими оберегами, якобы прикрывая грудь от удара, глаза. Нагрудные украшения сулили женщинам здоровье, плодородие, а мужчинам служили в бою оберегом от ран и смерти; у знати они были признаком богатства.

I тип. Однорядное простое ожерелье.

1. К однорядному типу относятся округлые бусы, изображенные на терракотовых статуэтках Варахши, а также ожерелье из ромбовидных пластин на персонаже мианкальского оссуария.

2. Гладкий дрот имеет место на живописи Афраснаба, Пенджикента и на терракотах, хранящихся в фондах ГМИКНУ.

3. В центре однорядного дрота в качестве разъединителя изображено шаровидное украшение (женская терракота из фонда ГМИКНУ); три овала мы находим в живописи Афраснаба; прямоугольник с овалами по краям также видим на живописи Афраснаба.

II тип. Однорядная гривна с висячими подвесками.

1. На живописи Афраснаба одно ожерелье представлено с центральным медальоном в форме прямоугольника с овалами по краям, с которого спускается каплевидная подвеска. Другая гривна с аналогичной подвеской, но с овальным крупным центром также выявлена в стенописи Афраснаба, на бия-найманских оссуариях и на терракоте Согда.

2. Подвеска в форме шара имеется на персонаже согдийского серебряного кувшина, а также на бия-найманском оссуарии; семь шаровидных подвесок на ожерелье можно видеть на навершии оссуария (ГМИКНУ); три подвески изображены в живописи Афраснаба, где центральный овальный камень в оправе украшен дополнительными тремя свисающими с него подвесками в виде таких же овальных камней, но меньшего размера.

III тип. Двурядное и трехрядное украшения.

1. Самое простое двурядное украшение шеи (на оссуариях Иштыхана) состояло из двух гладких дротов.

2. На груди согдийского всадника на чаше VII—VIII вв. хранящейся в Эрмитаже, изображено двойное украшение. Верхний дрот не орнаментирован, нижний — с шаровидной подвеской.

³⁴ Археология: Средняя Азия и Дальний Восток... С. 74; Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы... С. 45.

³⁵ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 112, 113.

³⁶ Там же. С. 110.

³⁷ Археология: Средняя Азия и Дальний Восток... С. 74.

³⁸ Там же.

³⁹ Из фондов Государственного музея истории культуры народов Узбекистана (ГМИКНУ), Самарканд.

3. Такого же типа украшение, но с ромбовидной привеской есть на бия-найманском оссуарии.

4. Двурядное ожерелье с треугольной подвеской изображено в живописи Пенджикента.

5. Трехрядное украшение груди можно отметить на персонажах живописи Пенджикента, Варахши и на терракотах Афрасиаба.

IV тип. Серьги, соединенные с украшением шеи.

Серьги, соединенные с украшением шеи в виде ромбов, прямоугольников, на манкальском оссуарии; имеют аналогии на Айртамском фризе, в живописи Балакчета и Гандхары.

Афрасиабские нарядные ожерелья очень схожи с бактрийскими, а именно с дальварзинскими. Их основа — гладкая гривна с центральным медальоном. Медальоны и подвески имеют вид сферического камня, прямоугольника, овала.

IV группа. Украшения рук

Руки человека также украшались ювелирными изделиями, которые символически оберегали их от ударов орудий труда и оружия в бою. С этой целью рукава одежды расширялись «магическими» узорами.

«... Бронзовые браслеты, находимые при раскопках, немногочисленны и просты по форме. Более частые — округлые со срезанными концами. Браслеты, изображенные на росписях Афрасиаба и Пенджикента, посередине имеют вставку с цветным камнем и переданы желтым цветом, как обычно изображают золото...»⁴⁰

«... Перстни составляют одну из самых больших групп украшений. (их более 50 экземпляров в Пенджикенте). Причем значительная часть их служила печатями. Перстни-печати характерны для народов Средней Азии и ее южных соседей, причем перстни со щипом и изображениями на щитке особенно типичны для Согда...»⁴⁰

I тип. Браслеты.

1. Цельный гладкий дрот с центральным медальоном округлой формы изображен на мужских фигурах в живописи Афрасиаба и на скульптуре Северной Бактрии (Дальварзинтепа).

2. Два браслета на одной руке, изображенные на стенописи Варахши, изготовлены из сдвоенных дров с центральным округлым медальоном. Такие же браслеты отмечены в буддийской скульптуре Дальварзинтепа.

3. Сдвоенные дроты с круглой центральной деталью в виде коробочки хлопка. «... На запястье персонажа, присутствующего на царском приеме, еще более нарядный браслет из сдвоенных дров, украшенных крупной центральной деталью, напоминающей раскрытую пушистую коробочку хлопка, по сторонам которой прикреплены два перла или камня в высокой оправе... (Варахша)»⁴².

4. Браслеты предплечья изображены в Варахше на воине. Браслет состоял из двух крупных золотых дисков в форме щита, но согнутых по форме руки. На дисках — концентрические круги, а по краям снаружи завитки, напоминающие солнце. На местах стыка пластин помещена геометрическая фигура, аналогов которой пока не встречено⁴³. Наплечные браслеты характерны для скульптур Дальварзинтепа, где сказалось индо-иранское влияние. По монументальной живописи отметим, что руки согдийских персонажей украшены одним или двумя браслетами разной композиции на одной руке, но одинаковые на обеих руках.

II тип. Кольца, перстни.

1. Витые кольца. Пенджикентские оригиналы сделаны из свитых золотых, серебряных или бронзовых проволок, на которые припавались гнезда. Другой тип такого перстня сплетен «косичкой». Ближайшие аналогии находим в Северной Бактрии, в могильнике Биттепа.

2. Перстни-печати найдены в Пенджикенте, в основном бронзовые с зооморфными изображениями: кабан, горный козел, двугорбый верблюд, рогатый олень, птицы. По определению В. И. Распоповой, перстни-печати с изображением головы кабана имеют сходство с изображением кабана на согдийских и сасанидских тканях, а также в сасанидской глиптике⁴⁴. На щитке одного перстня имеется согдийская надпись, как на бронзовой печати из Пенджикента. Бронзовые перстни с изображениями на щитках встречены в Южном Таджикистане⁴⁵.

3. Перстни с гнездами. К этой категории относятся пенджикентские перстни, в которых специально делались гнезда, а затем припавались к шинке. Материалом для них обычно служило золото. В один перстень был вставлен аметист, а следующий — гемма из красного камня, последний — без вставки; иногда вставляли цветные стекла, имитирующие самоцветы.

⁴⁰ Археология: Средняя Азия и Дальний Восток... С. 75.

⁴¹ Там же.

⁴² Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство... С. 40.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 114.

⁴⁵ Литвинский Б. А. Украшения из могильников... С. 22.

4. Ложные перстни-печати из Пенджикента, изготовленные из серебра, один без изображения, другие с изображением козла и животного, грызущего орехи. Золотые перстни с зооморфными изображениями отмечены на памятниках Семиречья, а бронзовые выявлены в Таджикистане⁴⁶.

5. Перстни со щипом, бусиной и т. д. Оригинален согдийский серебряный перстень с сердоликовой геммой, на которой изображен зебу; чувствуется сасанидское влияние или перстень был изготовлен сасанидскими мастерами⁴⁷. Перстни со щипом и гнездом встречены на Западном Памире, в Северном Афганистане, Бактрии. Они изображены на персонажах живописи Афрасиаба и Балалыктепа; найдены также в Пенджикенте и на Кафыр-Кала, в Южном Таджикистане⁴⁸.

V группа. Украшения пояса

В мужском costume пояса отличаются по количеству накладных деталей. Использование разных деталей в наборных поясах служило знаком отличия. Наборные пояса в раннем средневековье были характерны для знати.

I тип. Пояса из ткани.

Тканые пояса, которые носили под грудью, в женских костюмах отражают эллинистическое влияние в Согде, а также в Хорезме, Парфии, Бактрии и Иране. Мужские тканые пояса надевались на кафтаны, рубашки.

II тип. Наборные пояса из кожи, металла.

1. Кожаные наборные пояса с двумя кольцевыми пряжками изображены на росписи в Пенджикенте. Аналогии им есть в живописи Дяльберджина, в Тохаристане. Наборные пояса Согда имеют большой ареал в Северной Бактрии. Ряд исследователей отметили сходство среднеазиатских наборных поясов с таковыми у степняков Евразии.

Наборные кожаные и тканые пояса крепились всевозможными пряжками. Пряжки согдийской ювелирной школы связаны с византийским ремесленным производством, либо сделаны под его влиянием. На одной из них изображены завитки в виде волны, на другой — два сплетенных змея. Следующая группа пряжек находит аналогии в Кудырге, на Кавказе и в Крыму. Среди них интересна ажурная пряжка с перлами, где изображен крылатый мифический зверь⁴⁹.

Итак, подведем итоги по исследованному материалу.

I группа. В головных украшениях отмечаются черты, присущие эллинизму, но переосмысленные местными мастерами. Детали и формы головных блешек и ряд головных уборов переключаются с таковыми из Северной Бактрии, в частности Дальварзинтепа и Халчаяна.

Чалмы на женских терракотовых фигурках имеют аналогии в Северо-Западной Индии, тюрбан аналогичен и близок к греко-гандхарскому, который прочно прижился в Согде. Согдийские короны с тремя полумесяцами встречены в живописи Бамиана V в. на буддах и бодхисаттвах. Венец с тремя тюльпанообразными цветками отмечен на сасанидской гемме, а с двумя цветками — на стенописи Бамиана. Двурогая корона имеет аналогии сасанидские, кидаритские и бактрийско-тохаристанские. Двукрылая корона была очень распространена у кидаритов, эфталитов, сасанидов, в Бамиане и Согде. Зубчатые короны характерны для Согда, они изображены в живописи Пенджикента и на оссуариях. Отдельные аналогии имеют короны средневековых европейских королей, римских императоров, скифов, армянских царей. Для раннего средневековья четырехконечные короны встречены у скандинавов, англосаксов, норманов, галлов, шотландцев и др.

II группа. Серьги кольцевые, самые простые, имеют ближайšie аналогии на материалах из Северной Бактрии — в Аруктауском могильнике (в женских и мужских захоронениях), Тепан-Шах, Айртамских могильниках и т. д. Кольца с шаровидной (одной или двумя) подвеской есть на живописи Афрасиаба, Варахши и Пенджикента; они похожи на серьги балалыктепинские и калайкафирганские. Пенджикентские серьги с подвеской в форме стилизованной виноградной грозди встречены на стенописи Балалыктепа и в могильниках Ялангтуштепа, но более сложные. Серьги, изготовленные из несомкнутого кольца с биконическим утолщением, имели распространение в Фергане, Семиречье, тюркских погребениях Средней Азии, Сибири и т. д. Серьги с медальоном свидетельствуют о византийско-согдийских связях. Другие серьги имеют аналогии в Средней Азии, Афганистане, Памире, Тянь-Шане, Семиречье, Сибири.

III группа. Нагрудные украшения Согда из Пенджикента, Варахши, Афрасиаба имеют ближайšie аналогии в скульптуре Северной Бактрии (Дальварзинтепа), биянайманском оссуарии. Серьги, соединенные с нагрудным украшением у персонажа мианкальского оссуария имеют сходство с украшениями такого же рода на Айртамском фризе, скульптуре Дальварзинтепа, в живописи Балалыктепа и скульптуре Гандхары.

⁴⁶ Там же. С. 21, 23.

⁴⁷ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 114.

⁴⁸ Литвинский Б. А. Украшения из могильников... С. 27.

⁴⁹ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 97.

IV группа. Запястные браслеты имеют аналогии с таковыми из Северной Бактрии и отражают большое влияние Индии. Браслеты предплечья перекликаются с индо-иранскими. Перстни-печати из Пенджикента с зоморфными изображениями имеют сходство с сасанидской глиптикой Семиречья, Таджикистана. Перстни со щипом встречены в Бактрии, Северном Афганистане, на Западном Памире.

V группа. Тканые пояса отражают влияние эллинизма. Кожаные наборные пояса с двумя кольцевыми пряжками, изображенные на росписи Пенджикента, имеют аналогии в живописи Дильберджина. Наборные пояса были распространены в Средней Азии и по всей территории степей Евразии. Часть пряжек согдийской ювелирной работы мы связываем с влиянием Византии, другая часть находит аналогии в Кудырге, на Кавказе и в Крыму. Согдийские пояса аналогичны поясам тюрков, кыргызов. Поясные наборы Средней и Центральной Азии отличаются от поясов Юго-Восточной Европы.

В заключение подчеркнем, что в результате взаимовлияния местных школ, особенно бактрийской, и иноземных художественных культур Греции, Индии, Ирана и других в Согде сложилось местное своеобразное и самобытное ювелирное искусство со своими традициями, характерными чертами и особенностями в форме и технологии их производства.

В. В. Лучева

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ МУХАММАД АМИНА МУЪМИНОБОДИ

Родина великого ученого и мыслителя Абу Али ибн Сино, Бухара, будучи одним из древнейших центров мировой культуры, дала человечеству немало ярких представителей точных наук: математиков, астрономов, физиков, химиков, медиков и других. Было еще много иных ученых, жизнь и научная деятельность которых были тесно связаны с Бухарой. Несмотря на кровавые войны, междоусобицы, социально-экономические затруднения, которых за более чем 1000-летний период после Ибн Сино было не так уж мало, ученые Бухары и бухарской школы достойно продолжали и развивали научные традиции своих предшественников.

В числе таких ученых — представителей точных наук можно указать, например, Алишаха ибн Мухаммада ибн Касима ал-Хорезми, известного под именем Ала ал-Мунаджим ал-Бухари (1226—1300 гг.), астронома; Джамалуддина аз-Зайди ал-Бухари (XIII в.), сотрудника знаменитой Марагинской обсерватории, астронома; Шамсуддина Мухаммада ибн Муборакшаха Мирака ал-Бухари (XIV в.), математика, астронома, философа; Убайдуллаха ибн Масъуда ибн Умара Тадж уш-Шарна (XIV в.), математика, астронома; Масъуда ибн Умара Саъдуллина ат-Тафтазани (XIV в.), математика, языковеда, и многих других. Каждый из них внес свой творческий вклад в историю науки и культуры.

Историками науки достигнуты определенные успехи в изучении и оценке научного наследия средневекового Востока, в том числе Средней Азии, главным образом IX—XV вв. Опубликовано ряд оригинальных работ ученых того периода, например труды Мухаммада Хорезми, Умара Хайяма, Насруддина Туси, Гиясуддина Коши и других, сыгравших неоценимую роль в истории развития мировой науки и культуры. Проведена большая работа по изучению и оценке деятельности ряда научных школ, функционировавших в те времена, таких, как Багдадская, Марагинская, Самаркандская и т. д.

Большим пробелом в изучении истории науки народов Средней Азии явился, однако, период после XV в. Вопросам истории науки этого периода, по сравнению с IX—XV вв., уделялось в общем-то незначительное внимание. Несмотря на появление ряда отдельных статей по истории науки Средней Азии XVI—XIX вв., она нуждается еще в большем и пристальном внимании специалистов — историков науки. Предварительные исследования показывают, что в этот период учеными Средней Азии было написано, переведено и прокомментировано немало работ по различным отраслям науки, в том числе по математике. Обнаружен ряд ученых-математиков того периода, которые ранее не были нам известны. К их числу можно отнести, например, Мухаммад Амина ибн Убайдуллаха ал-Муъминободи ал-Бухари (XVI в.) — математика, законоведа, педагога; Мухаммад Наджмуддинхона (XVI—XVII вв.) — математика, педагога и поэта; Бобокалона Самарканди (XVII в.) — математика, педагога и поэта; Шавки Каттакургани (XVIII—XIX вв.) — поэта, педагога и математика; Мухаммад Мирам Бадий Дивана (XVIII в.) — математика, законоведа и поэта; и др.

Здесь мы попытаемся дать краткую характеристику обнаруженных нами математических сочинений почти неизвестного нашего соотечественника, математика XVI в. Мухаммад Амина ибн Убайдуллаха ал-Муъминободи ал-Бухари, жизнь и научная деятельность которого тесно связаны с родиной великого Ибн Сино — Бухарой.

В процессе работы по выявлению, систематизации и исследованию новых физико-математических трудов ученых прошлого нами была обнаружена уникальная ру-

копись ценного математического сборника середины XVI в. из личной библиотеки заведующего отделом восточных рукописей фундаментальной библиотеки СамГУ им. А. Навои, большого знатока древней истории и культуры, Заслуженного деятеля культуры Узбекистана Абдулламида Пулоди, который любезно позволил нам ознакомиться с ней.

Упомянутый сборник состоит из пяти математических трактатов, из которых последние четыре принадлежат Мухаммаду Амину Муъминободи; в их числе:

1. Л. 3—43 б. «Фароиз ус-Сироджийа» — «Сираджова наука раздела наследства» — широко распространенный на средневековом Ближнем и Среднем Востоке трактат по математическим вопросам раздела наследства известного среднеазиатского математика и законоведа XII в. Сираджуддина Мухаммада ибн Абдурашида Саджованди; язык арабский, переписчик Дустхованд ибн Мухаммад Саид, дата переписки — месяц рамазан 967 г. х./июль—август 1589 г. н. э.

2. Л. 44б—47. «Джавохир ул-фароиз» — «Жемчужины науки деления наследства», автор Мухаммад Амин Муъминободи, язык арабский, написан в середине XVI в., переписчик Дустхованд ибн Мухаммад Саид, дата переписки — XVI в.

Трактат содержит разнообразные задачи по вопросам деления наследства. Изложение задач, их решения и ответы весьма кратки. Судя по смыслу задач, данный трактат написан автором для лиц, распределявших наследство между наследниками, юристов, учеников медресе, а также других лиц, имевших дело с наследственно-правовыми вопросами.

Приведем два примера из этого трактата¹ в нашем переводе:

Задача 1. (Некто) умер и оставил наследство отцу и матери. Матери (достается) треть (имущества), остальное — отцу.

Задача 2. (Некто) умер и оставил наследство отцу, матери и сыну. Отцу (достается) одна шестая (имущества), матери — одна шестая, остальное сыну.

Из этих примеров видно, что данный трактат был рассчитан для самого широкого круга читателей, даже для тех, кто не обладал достаточно высоким знанием математики, так как все задачи и ответы — решения к ним составлены в виде готового шаблона, и человек, нуждавшийся в решении таких вопросов, без труда мог найти ответ на интересующий его вопрос, выбрав соответствующий вариант задачи. Отсюда и большой контингент потребителей. Содержание трактата вполне соответствует своему названию: в нем действительно собраны все «жемчужины» науки о разделе наследства.

Еще два более поздних экземпляра этого трактата обнаружены нами в отделе восточных рукописей фундаментальной библиотеки СамГУ и в фонде восточных рукописей ИВ АН Республики Таджикистан (в инвентарных номерах соответственно отмечены буквами С и В). Это:

2а. То же. № С823/57/3, л. 162—166, язык арабский, дата переписки — XVIII в., место переписки — Бухара, переписчик неизвестен.

2б. То же. № В305/1, л. 72—75б, язык арабский, дата переписки — XVIII в., место — Бухара, переписчик неизвестен.

3. Л. 49б—162. «Шархун фароизус-Сироджийа» — «Комментарий к сираджовой науке деления наследства». Автор Мухаммад Амин Муъминободи, язык арабский и персидский, написан по просьбе друзей, дата завершения 5 джумада аввал 958 г. х./21 мая 1551 г. н. э.; переписчик Дустхованд ибн Мухаммад Саид, дата переписки — конец месяца джумада аввал того же года — 20—24 мая 1551 г. Трактат является редким смешанным арабско-персидским комментарием.

Наша исследования показали, что данный экземпляр является самым ранним по времени, его переписчик работал непосредственно в присутствии и под руководством самого автора и, вероятно, был одним из его ближайших учеников и помощников.

Другие экземпляры этого сочинения обнаружены нами в рукописном фонде ИВ АН Республики Таджикистан, отделе восточных рукописей фундаментальной библиотеки СамГУ, а также в ГРБ им. А. Фирдоуси в г. Душанбе:

3а. То же. № В2098/4, л. 30б—88, язык персидский, время написания — джумада I 958 г. х./май—июнь 1551 г., дата переписки — 1074 г. х./1663 г.

3б. То же. № В3647/4, л. 51б—131б, написан 15 джумада I 958 г. х./31 мая 1551 г., дата переписки — середина месяца раби I 988 г. х./май—июнь 1580 г., переписчик Обид ибн Мухаммад Миёнколи.

3в. То же. № С1187140/2, л. 9б—76, язык персидский, дата переписки — месяц зулкаъда 1098 г. х./сентябрь 1687 г., переписчик Мухаммад Саид ибн Подшоҳ Ходжа ал-Хусайни, место переписки — Бухара.

3г. То же. № В1249/3, л. 36б—156б, язык персидский, дата переписки — XVIII в.

3д. То же. № Ф1640/3, л. 95б—174б, язык арабский и персидский, дата переписки — 1227 г. х./1860 г., переписчик Мулло Мухаммад ибн Мулло Яхшилик. Рукопись

¹ Мухаммад Амин Муъминободи. Джавохир ул-фароиз. Рукопись XVI века из коллекции А. Пулоди в г. Самарканде. См. л. 44 рассматриваемого сборника.

хранится в отделе восточных рукописей ГРБ им. А. Фирдоуси Республики Таджикистан.

3е. То же. № В85/3, л. 76—136, язык персидский, дата переписки — 1309 г. х./1891 г.

Экземпляры данного сочинения Убайдуллаха Муъминободи имеются также в ИВ АН Республики Узбекистан: № 8698/5, л. 716—1666²; в ИВ АН России: № В2119 (NOV 862), л. 676—1806; № В2256 (NOV 1294), л. 16—83; № С1374 (NOV 786), л. 266—128³ и др.

4. Л. 1626—1636. «Амали зарби шабака» — «Действие умножения методом сетки», автор Мухаммад Амин Муъминободи, язык персидский, дата переписки — середина XVI в., переписчик Дустхованд ибн Мухаммад Саид.

В трактате говорится о причине изобретения учеными-математиками метода сетки для умножения многозначных чисел. Подробно излагаются метод ее построения и способ умножения с его помощью. Приводятся численные примеры. В заключении сочинения приводится правило девятки для проверки на корректность результата умножения с этим методом.

В ходе наших поисков в ИВ АН Таджикистана обнаружены еще два полных экземпляра этого сочинения:

4а. То же, № В3647/5, л. 132—1336, язык персидский, дата переписки — 988 г. х./1580 г.

4б. То же, № В2098/5, л. 886—896, язык персидский, дата переписки — 1074 г. х./1663 г.

Другой экземпляр этого сочинения хранится в библиотеке ИВ АН РУз под инв. № 7131/13⁴.

5. Л. 164—180. «Аъмоли хисоби» — «Арифметические действия», автор Мухаммад Амин Муъминободи, язык персидский, дата переписки — XVI в., переписчик Дустхованд ибн Мухаммад Саид. Состоит из введения и шести глав.

Надо сказать, что математические науки своим происхождением были обязаны прежде всего решению практических вопросов социально-экономической жизни общества, например, раздела наследства, юриспруденции, земледелия, ирригации, торговли, архитектуры, строительства и др. И рассматриваемые здесь трактаты Мухаммада Амина Муъминободи в целом не являются исключением в этом плане. В них излагаются, в частности, практические вопросы юриспруденции, деления наследства, торговли, которые требуют при своих решениях использования соответствующего математического аппарата. Но вместе с тем в ряде этих сочинений местами можно обнаружить и чисто теоретические рассуждения и выкладки.

Изучение некоторых библиографических (как современных, так и более ранних) источников показало, что у Убайдуллаха Муъминободи есть еще ряд научных трудов. Вкратце перечислим некоторые из них:

6. «Трактат самонадежность» — в нем заключается нечто из кладовой достоверности, рукописные экземпляры этого сочинения хранятся в ИВ АН РУз — № 8634⁵, № 7535⁶; ИВ РАН — С1427 (NOV 911), С1459 (NOV 996), С1691 (NOV 1499), С1732, С1811, Д663⁷.

7. «Амишovy фетвы», ИВ АН РУз, № 2968, № 2574/2. Сочинение это упоминается также в известном библиографическом труде Катиба Челеби⁸.

8. «Комментарий к Фикху Кайдани», ИВ РАН — В1801 (NOV 2), В1987 (NOV 501); В1997 (NOV 630), Д2007 (NOV 547), В2112 (NOV 557), В2059 (NOV 475), Д2205 (NOV 1152), В4232, В3772, С248 (364г), С1197 (NOV 365), С1303 (NOV 606), С1335 (NOV 681), С1502 (NOV 1086) и др.⁹

Вот неполный перечень трудов Мухаммада Амина Муъминободи. Думается, что дальнейшие поиски в этом направлении пополнят этот список.

Исследование трудов Мухаммада Амина Муъминободи показывает, что он был и опытным педагогом, преподавал в медресах Бухары, Балха и других городов Средней Азии и вне ее. Его математические трактаты использовались в медресах в качестве учебного пособия по соответствующим разделам этой науки. Такой вывод позволяет сделать исследование его сочинений, в предисловиях большинства из которых он четко формулирует причину и цель написания того или иного своего труда. Например, во введении к трактату «Комментарий к сираджовой науке деления на-

² Собрание восточных рукописей (СВР) АН Уз. Т. VIII. Ташкент, 1966. С. 279—280.

³ Каталог Института народов Азии. Т. I. М., 1964. С. 340.

⁴ Абрамова М. Из истории математики в Бухаре // Математика на средневековом Востоке. Ташкент, 1978. С. 100.

⁵ СВР АН Уз. Т. VIII. Ташкент, 1966. С. 319.

⁶ СВР АН Уз. Т. IV. Ташкент, 1957. С. 396.

⁷ Каталог Института народов Азии. Т. I. С. 55.

⁸ Катиб Челеби. Кашф уз-зунун ан асоми ал-кутуб вал фуунун. Т. I. Истамбул, 1311 г. х. С. 151.

⁹ См., напр.: Там же. С. 342—343.

следства он пишет: «Некоторые ученики попросили меня, чтобы я... написал комментарии к тексту (сочинения) «Сираджовой науки раздела наследства» на персидском языке»¹⁰. Словом, Мухаммад Амин Муъминободи в течение всей своей жизни вел активную научную и педагогическую деятельность.

Полное и всестороннее исследование жизни и научной деятельности этого видного ученого — математика, педагога, законоведа — имеет немаловажное значение для дальнейшей разработки проблем истории средневековой восточной науки и культуры, в том числе Среднеазиатского региона.

И. Ходжиев

НОВЫЕ КНИГИ

Э. А. АХУНДЖАНОВ. ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ

(ДРЕВНЯЯ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ СРЕДНЕЙ АЗИИ)

(Ташкент: Изд-во народного наследия им. Абдуллы Кадыри, 2000. 113 с.)

В эти дни в нашей стране полным ходом идет подготовка к достойной встрече 2700-летнего юбилея священного канона зороастрийской религии — книги Авеста и культуры зороастризма. Этой славной дате посвящен целый ряд публикаций наших ученых и литераторов. В их числе — вышедшая в свет в Издательстве народного наследия им. Абдуллы Кадыри книга проф. Э. А. Ахунджанова «Письменная культура Средней Азии (Древняя и раннесредневековая история письменности и книги Средней Азии)»¹.

Работа состоит из введения, шести разделов и выводов с приложением библиографии — литературы по исследуемой теме, вышедшей на русском и иностранных языках.

Монография представляет собой аналитический научный труд, основанный на фундаментальной источниковой базе, в котором впервые в отечественной и мировой науке комплексно исследованы важнейшие вопросы истории письменности и книги в Средней Азии периода древности и раннего средневековья, до постепенного перехода среднеазиатских народов к мусульманской религии.

К исследованию Э. А. Ахунджанова во многих отношениях применимо слово «впервые». Впервые рассмотрены общее и особенное в типологической модели древнего и раннесредневекового среднеазиатского общества, основные тенденции его этногенетического и социокультурного развития. На основе анализа широкого круга источников и специальной классической и современной востоковедческой, этнологической литературы, работ по этногенезу турано-туркестанских народов автором сделан вывод о том, что в рассматриваемый период все этнически близкие племенные общности, этносы и субэтносы Средней Азии, говорившие на родственных языках восточноиранской (собственно среднеазиатской) и тюркской групп, в сущности представляли собой единую систему — ирано-тюркский (т. е. ирано- и тюркоязычный) суперэтнос, который в социокультурном отношении может именоваться «зороастрийским культурным миром». Впервые выявлена и обоснована социокультурная специфика, сформулированы и вводятся в научный оборот понятия «зороастрийский культурный мир», «зороастрийский тип культуры», «зороастрийский тип книжной культуры». Это обладающее огромным внутренним потенциалом обобщение являет собой важный вклад в историческую науку.

В контексте развития книжной культуры впервые в обобщенном виде рассмотрены все имевшие место в истории шесть кодификаций полной Авесты, т. е. создания новых редакций ее канонического текста, первые три из которых были осуществлены в Хорезме, Бактрии и Парфии. Показано, что традиция письменной фиксации и канонизации текста Авесты продолжалась непрерывно с V в. до н. э., и за более чем полторатысячелетний период различные части ее подвергались многократной переписке. В русскоязычной литературе это одно из первых изложений всех шести прецедентов полной кодификации Авесты.

Важное значение для понимания трансформации среднеазиатского зороастрийского по своей религии и культуре общества в процессе перехода его к мусульманской религии и культуре имеет раздел книги, посвященный преемственности традиций письменной культуры и книжного дела; прослежены конкретные пути и формы этого процесса. Отметим, что проблема преемственного развития культурных традиций на стыке двух важнейших для Турана — Туркестана историко-культурных эпох также ставится и исследуется в данной работе впервые.

¹ Отв. редактор — акад. АН РУз Э. В. Ртвеладзе.

На основе широкого круга источников и литературы автор показывает, что именно народы Средней Азии наравне с Кореей и Японией первыми восприняли у китайцев технологию производства бумаги и в дальнейшем усовершенствовали ее.

Следует особо подчеркнуть, что в науке до сих пор, несмотря на множество статей, не было еще столь подробного, обобщающего исследования, охватывающего все виды письменности и их памятники. В книге проанализированы основные исторические этапы и ведущие тенденции развития и бытования в нашем регионе систем арамейского, «иссыкского», хорезмийского, парфянского, бактрийского, согдийского, среднеперсидского, авестийского, манихейского, греческого, греко-бактрийского, древнетюркского, тюркского, уйгурского, сиротюркского, кхароштки, брахми, эфталитского письма, дана общая характеристика наиболее значимых письменных памятников. Это позволило автору обосновать положение о том, что хронологически начало процессу зарождения и формирования древних «национальных» систем письма, таких, как хорезмийское, бактрийское, согдийское, было положено в V в. до н. э. Именно с того времени берет свое начало история письма у народов Средней Азии как фундамент и первооснова для эволюции их книжной культуры. В этой связи мы можем утверждать, что ныне живущие народы Среднеазиатского региона являются наследниками и обладателями идущей из глубины веков непрерывной традиции письменной и книжной культуры.

Все это характеризует научную значимость монографии Э. А. Ахунджанова, посвященной, как сказано в авторском эпиграфе к работе, «памяти великих и безвестных создателей древних турано-туркестанских алфавитных систем, всех тех, кто в любые времена поддерживал и развивал священные традиции нашей письменной и книжной культуры».

А. Р. Мухамеджанов

КНИГИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ БУХАРСКИХ ЕВРЕЕВ

За последнее время директором Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника, канд. ист. наук Р. Э. Альмеевым был подготовлен и опубликован ряд работ, посвященных истории и этнографии бухарских евреев.

Так, в 1997 г. вышла в свет его книга «Устное народное творчество бухарских евреев (сказки, песни, напевы, загадки, пословицы, поговорки, толкование снов и примет)» (126 с.). Часть фольклорного материала приводится на языке бухарских евреев (с переводом или без перевода на русский язык). К тексту приложен краткий глоссарий. В работе дано несколько фотографий, характеризующих быт бухарских евреев.

В 1998 г. последовало издание исследования Р. В. Альмеева «Бухарские евреи (Историко-культурный очерк)» (92 с.). Работа содержит предисловие отв. редактора книги (канд. ист. наук Г. Я. Дресвянской), авторское введение, три главы и заключение с приложением списка литературы. Широко использованы сведения из периодической печати и материалы из фондов Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника, в том числе ряд документов юридического характера. На с. 44—50 помещено 10 фотографий (иллюстрирующих быт бухарских евреев и др.).

В том же 1998 г. Р. В. Альмеев опубликовал «Исследования и материалы по истории и этнографии бухарских евреев» (93 с.). Публикация состоит из введения, 8 разделов и послесловия. Первые три небольших раздела посвящены вопросу о еврейском чале (т. е. принявших ислам). Остальные разделы содержат касающиеся бухарских евреев документы из архива Российского императорского политического агентства в Бухаре, обзор документов по истории и этнографии бухарских евреев из Бухарского облгосархива, официальные документы о регистрации религиозных общин бухарских евреев в г. Бухаре и пос. Кармана Бухарской области, а также авторские комментарии и исследования всех этих документов. Издание содержит 16 фотографий, посвященных в основном различным обрядам и ритуалам.

В 2000 г. была опубликована Р. Э. Альмеевым красочно иллюстрированная брошюра «Легенды древней Бухары: о постройке первой синагоги в городе» (23 с.)¹. Текст дан на русском и английском языках.

Последней в этом ряду стала изданная этим же автором в 2001 г. «История регистрации и деятельности в г. Бухаре второй общины и синагоги бухарских евреев (1989—1999 гг.)», в которую включено более 50 документов, посвященных этому вопросу, и дан краткий анализ их с соответствующими обобщениями.

Вместе с другими публикациями последних лет эти издания проливают дополнительный свет на историю и этнографию бухарских (т. е. среднеазиатских) евреев.

Л. Г. Левтеева

¹ Отв. редактор — акад. АН РУз Э. В. Ртвеладзе,

МУНДАРИЖА

Ўзбекистон Республикаси мустақиллигининг 10 йиллигига

Р. А. Убайдуллаева. Жамоатчилик фикри Ўзбекистон мустақиллигининг миллий ифодачиси сифатида	3
Э. К. Файзиев. Ўзбекистон Республикасида давлат мулкни бошқариш механизмини ва хусусийлаштириш жараёнини такомиллаштириш	9
С. С. Фуломов. Савдо-сотиқ банки ходимлари томонидан бошқаришни такомиллаштиришнинг баъзи масалалари.	13
С. М. Гаффоров. Ҳуқуқни таниш — ҳуқуқшунослик фани методологиясининг шаклланиш аспекти	16
К. А. Эшниеъзов. Адвокат фаолиятининг самарадорлигини ошириш масаласига доир	25
Ж. Ҳ. Ҳамидов. Ўзбекистон Республикасининг янги жинойи ишлар қончилигида шахсга нисбатан ғаразли ниятда жиноят содир қилганлиги учун жавобгарлик	32
Г. А. Муҳаммаджонова. Япониянинг халқаро иқтисодий сиёсати: ривожланаётган мамлакатлар билан ҳамкорликдаги устувор йўналишлар	38

Илмий маълумотлар

М. Шарипова. XIX аср иккинчи ярмидаги Тошкентнинг ижтимоий-иқтисодий тарихидан	45
А. С. Уролов. Урта аср Шарқдаги доришунослик тарихига доир	49
Ш. Раимжонова. Паҳлавон Маҳмуд рубойларида ахлоқ-одоб масаласи	52
В. В. Лувева. Сўғд заргарлигининг миллийлиги ва ўзига хослиги	55

Манбашунослик

И. Ҳожиев. Муҳаммад Амин Мўминободийнинг математик рисоалари	62
--	----

Янги китоблар

А. Р. Муҳаммаджонов. Э. О. Охунжонов. Урта Осиёнинг ёзма маданияти (Урта Осиёда қадимги ва ўрта аср ёзув ва китоблар тарихи)	65
Л. Г. Левтеева. Бухоро яҳудийларининг тарихи ва этнографиясига баришланган китоблар	66

СОДЕРЖАНИЕ

К десятилетию независимости Республики Узбекистан

Р. А. Убайдуллаева. Общественное мнение как выразитель национальной идеологии независимости Узбекистана	3
Э. К. Файзиев. Совершенствование механизма управления государственным имуществом и регулирования процесса приватизации в Республике Узбекистан	9
С. С. Гулямов. Некоторые вопросы совершенствования управления персоналом коммерческого банка	13
С. М. Гаппаров. Правосознание как аспект формирования методологии правовых наук	16
К. А. Ишниязов. К проблеме повышения эффективности работы адвоката	25
Дж. Х. Хамидов. Ответственность за корыстные преступления против личности по новому уголовному законодательству Республики Узбекистан	32
Г. А. Мухамеджанова. Международная экономическая политика Японии: приоритетные направления в содействии развивающимся странам	38

Научные сообщения

М. Шарипова. Из социально-экономической истории Ташкента второй половины XIX века	45
А. С. Уралов. К истории аптечного дела на средневековом Востоке	49
Ш. Раимджанова. Вопросы нравственности в рубаях Пахлавана Махмуда	52
В. В. Лунева. О традициях и особенностях согдийского ювелирного искусства	55

Источниковедение

И. Ходжиев. Математические трактаты Мухаммад Амина Муъминободи	62
--	----

Новые книги

А. Р. Мухамеджанов. Э. А. Ахунджанов. Письменная культура Средней Азии (древняя и средневековая история письменности и книги Средней Азии)	65
Д. Г. Левтеева. Книги, посвященные истории и этнографии бухарских евреев	66

НАШИ АВТОРЫ

Мухамеджанов А. Г.— академик АН РУз.

Убайдуллаева Р. А.— академик АН РУз, директор Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр».

Уралов А. С.— доктор архитектурных наук, профессор СамГАСИ.

Гаппаров С. М.— кандидат юридических наук, ст. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН РУз.

Джунева В. В.— кандидат искусствоведения, ст. научный сотрудник НИИ искусствознания АХ РУз.

Мухамеджанова Г. А.— кандидат экономических наук, доцент ТГЭУ.

Ходжиев И.— кандидат филологических наук, доцент СамГИИЯ.

Ишниязов К. А.— зав. кафедрой СамГУ им. Мирзо Улугбека.

Раимджанова Ш.— научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН РУз.

Гулямов С. С.— соискатель ТГЭУ.

Файзиев Э. К.— соискатель БухТИПЛП.

Хамидов Дж. Х.— соискатель Института философии и права им. И. М. Муминова АН РУз.

Щарипова М.— аспирант НУУ им. Мирзо Улугбека.

ИНДЕКС 885